Семь разгневанных богинь

Автор:
Наталья Андреева

Семь разгневанных богинь

Наталья Вячеславовна Андреева

Бестселлеры Натальи Андреевой

В каждой женщине живет богиня, будь то супруга Гера, любовница Афродита или маменькина дочка Персефона. И как любая богиня, она гневно мстит предавшему ее мужчине.

Бизнесмен Леонид Петровский привык к тому, что женщины ему поклоняются. И когда с другого берега реки прилетела пуля, он умер с улыбкой на губах, не веря в случившееся. То, что за убийством Петровского стояла одна из его женщин, для следствия было очевидно. Но кто? Мать? Жена? Партнер по бизнесу? На поиски отрядили старлея Женю Снегина, который под видом молодого человека одной из дочерей Петровского должен стать своим в доме покойного бизнесмена и разгадать эту загадку. Назвать коварную богиню, подавшую знак киллеру: жертва едет, выдвигайся на позицию!

Наталья Вячеславовна Андреева

Семь разгневанных богинь

© Н. Андреева, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Памяти моего редактора и близкой подруги Надежды Ткачевой, которая должна была прочитать эту книгу первой

Наследник империи: двадцать лет спустя…

«Эге, запахло разводом», – подумал я.

Моя жена никогда не скандалит, мы, по-моему, еще ни разу всерьез не поругались с Настей за двадцать с лишним лет совместной жизни. Жена никогда не бросала мне в лицо обидные слова типа «козел», «мерзавец», «бабник» и «скотина». Так же как и я ни разу не назвал ее дурой или тварью. Таких слов у нас в семье не говорят. Моя жена обижается по-другому. Не стенает, заламывая руки, что я сломал ей жизнь: заставил бросить институт и запер в четырех стенах нашего брака, быстренько заделав двоих детей.

Все начинается, когда Настя вдруг вспоминает, что она психолог. С почти дипломом. Ей оставался год учебы, когда мы поженились. Замужем Настя счастлива, была по крайней мере. Пока это все у нас не началось. Неужто узнала про любовницу? Тогда все вопросы к себе. Доставай свою дипломную работу, и…

Ах, ты детский психолог! Вот и не лезь во взрослые игры, дорогая. Куда тебя понесло? Вчера я весь вечер слушал про Карла Юнга, с трудом удерживая зевоту. Краем уха уловил, что якобы в каждой женщине заложена «программа», которая и определяет всю ее дальнейшую жизнь. И это уходит корнями не только в подсознание, но и в прошлое. В семью. Женщине для счастья надо лишь определить, какая именно она богиня. И не пытаться себя переделать. Мол, эти чертовы психологи предлагают варианты архетипов, связанных именно с греческими богами. Или римскими? Тут я, признаюсь, всхрапнул.

– Леня! Ты мне что, не веришь?! – вскинулась жена.

– Тебе верю, а этому, как его, Юнгу – нет.

– Но почему?! Это же известнейший швейцарский психиатр! Классик!

– Спиритизм, оккультизм, астрология, алхимия. Дальше продолжать? Он верил в призраки, этот твой Юнг, и общался с потусторонним миром на сеансах спиритизма. А я, родная моя, бизнесмен. Я оперирую цифрами. Из призраков верю только в призрак коммунизма, который бродил по Европе, но черт его занес в Россию. И здесь ему, похоже, понравилось. Опять пошли разговоры про плановую экономику.

– Ты знаешь, кто такой Карл Юнг?!

– По-твоему, я интересуюсь только биржевыми сводками? Я окончил МГИМО, не забывай. Для общего развития мне прочитали и курс практической психологии. А вот тебе за каким нужен Юнг? Занимайся детьми.

– Они уже взрослые! А я хочу найти себя!

– Интересно, как?

– Я хочу работать, Леня.

– В качестве практикующего психотерапевта?

– А почему нет?

– Потому что в России, в отличие от призрака коммунизма, они не прижились, эти психотерапевты. Не идет к ним народ. Он идет в кабаки. А у кого денег нет, в гаражи. Бабы идут к закадычным подружкам с бутылкой мартини или сладкого дешевого винца.

– А если я закончу образование для общего развития? – с вызовом спросила Настя.

Вот тогда я и подумал: «Эге, запахло разводом».

Жена интересуется архетипами женщин! Полезла вглубь себя. Ну, так я ей сам все расскажу. Про нее. Она – Гера. Жена. Женщина, которая без обручального

кольца на пальце с отчаянием думает, что жизнь прожита зря. Жены живут для мужей, не для детей. Настин мир вращается вокруг меня, я это прекрасно знаю. Она сейчас пытается вырваться, но не выйдет. Женщины-Геры не могут оторваться от источника, из которого черпают жизненную силу. Если и уйдет, то ненадолго.

А вот наши дочери… Это моя кара. Я мечтал о сыне. Но за все надо платить. В моем доме живут пять женщин. Пять этих, как там их? Архетипов. Каждая в своем роде. Полина родилась ровно через девять месяцев после нашей с Настей свадьбы. Моя старшая дочь – редкая красавица, а потому актриса. Натуральная актриса, которая учится во ВГИКе и уже снимается в дерьмовых сериалах. Полина – типичная Персефона. Маменькина дочка, женщина-ребенок. Тут и думать нечего.

А вот младшая, Алла – это Афина. Папина дочка. Я опять ждал сына. Каюсь, после того, как родилась Алла, и я заинтересовался оккультизмом. И даже навестил известного колдуна. Белого мага, а может, и черного. Я был тогда в панике и масть чародея не запомнил. Так же как и его слова. Он плел какую-то чушь, явно боясь дать мне конкретный ответ на мой вопрос. Отрицательный. Я спросил, будет ли у меня сын.

В третий раз у Насти случился выкидыш. Мы оба это так переживали, не описать словами. Настя – потерю ребенка, а я – потерянную возможность обрести наследника. Ведь этот мог быть мальчик. Настя крайне неудачно упала. Срок был уже большой, поэтому я втайне от жены пошел к ее лечащему врачу и поинтересовался полом погибшего ребенка. Мне было больно, но я это сделал. «Это была девочка», – сказал мне маститый профессор-гинеколог. Который спас моей жене жизнь.

И мы решили больше не иметь детей. Настя из-за страха снова потерять ребенка, все-таки возраст, а я – потому что понял: наследника не будет. Снова родится дочь, а их мне вполне хватает. Вернее, Аллы. Афины. Характер у нее мужской. Она умница, спортсменка, воительница. Сражается за место под солнцем наравне с мужчинами. Учится в физтехе и играет в футбол. Алла даже кандидат в члены российской юношеской женской сборной. Алле можно будет оставить империю. Алла справится.

Еще с нами живет Гестия. Моя двоюродная или даже троюродная сестра Катя. Я никогда не пытался с точностью установить степень нашего родства. Катю

привезла в мой дом мама. Сказала, что это ее родственница из провинции, которой по жизни не повезло. Несчастная любовь разбила девушке сердце. Остался ребенок, которого моя сердобольная мама собралась выучить и пристроить. Она помешана на детях. Самой Кате это, похоже, безразлично. Катя полностью ушла в себя. Вяжет крючком уродливые салфетки и унылые шарфы мышиного цвета и неустанно ездит по монастырям. Катя бесконечно религиозна. За кого она молится и чего именно просит, я понятия не имею. У Кати есть все, а к своему ребенку она безразлична. Похоже, вообще про него забыла, спихнув все проблемы по его воспитанию на мою маму. Я подозреваю, что мама взяла Катю в дом, чтобы отмаливать мои грехи. Общаемся мы с сестрой редко, я каждое слово тяну из Кати клещами. Но она мне не докучает.

Мама. Деметра. Главная женщина в моей жизни даже после того, как появилась Настя. Как и у моей жены, смысл маминой жизни тоже во мне. Других детей у нее нет, зато есть две внучки. И поскольку Настя по архетипу Гера и дети для нее на втором месте, Деметра, моя мама, зациклилась на внуках. Она дает им то, чего не смогла дать мать. Любовь. Полноводную, широкую, в которую впадают все остальные реки: долг, страх одиночества, финансовая зависимость… Это все – притоки. Питающие безграничную материнскую любовь Деметры. Воспитанием и образованием моих девочек больше занималась бабушка, а Настя молча уступила свекрови это право. Настя всю жизнь занимается мной. Вот и до развода дошло.

Есть еще две женщины, с которыми тесно связана моя жизнь. Про любовницу я упоминал. Я десять лет был верен жене, как и планировал изначально. Быть примерным мужем. Но потом сломался. В Насте все замечательно, она прекрасная жена. Но ужасная любовница. У нее никого, кроме меня, не было, у меня же, напротив, было до Насти пропасть сколько женщин. Эта пропасть нас с женой и разделила. В постели с Настей я все время жду вопроса: «Кто тебя этому научил?» или «А это что, так надо?».

Настя не то чтобы фригидна, чувственность в ней, скорее всего, спит. И чтобы разбудить ее, нужен не я, для которого не существует запретов. А кто-то подобный моей жене. Чтобы они вместе, шаг за шагом, прошли этот путь пробуждения чувственности, делая взаимные открытия. Для меня же это скука смертная, Настины губы во время наших поцелуев напряжены, она не горит от страсти, а учится. Все время боится сделать ошибку. Эти прописи порядком уже меня достали, поскольку я свое образование давно завершил. Нагулялся всласть еще до женитьбы. Я уже не раз намекал жене, чтобы попробовала и других

мужчин. Поскольку сам я отчаялся. Но Настя – кристалл. Все, что я делаю в постели, моей жене нравится, но она почему-то не раскрывается. Была бы это любовь, все было бы проще. Но это служение. Мне, богу. С богом нельзя быть женщиной, только монахиней. Гера есть Гера.

Моя любовница, Ксю, напротив донельзя отвязная. Работаем мы вместе. Я ее босс. Она начальник отдела маркетинга, в котором, честно сказать, понимает мало. Но я набрал ей штат умненьких девочек. Которые прикрывают наши шашни. Как вы уже поняли, Ксю – моя Афродита. У нее длинные черные волосы, большая грудь и голубые глаза. Она похожа на… мою жену. И даже очень. Настю Ксю почему-то бережет. Называет ее, ха-ха… Анастейша! У моей любовницы масса недостатков. Ксю падка на все, что может предложить даме бурно развивающаяся индустрия красоты. Силиконовую грудь, наращенные ресницы, филлеры в скулы, пудровое напыление бровей… Это из того, что я знаю. Сумел кое-как запомнить. Я без конца подписываю счета на эту хрень и диву даюсь, какие деньги можно вытянуть у женщины, помешанной на совершенствовании себя, любимой. Еще Ксю страсть как любит шмотки. Она скупает новые коллекции, повизгивая от восторга. При виде ярлычка с магическими словами «Шанель», «Гуччи» или «Ланвин» Ксю впадает в экстаз, она уже не видит цену. Особенно если костюмчик сидит как влитой. Любовница обходится мне дорого, но я ей все прощаю лишь за одно ее неоценимое достоинство: Ксю добрая.

С такой внешностью да на такой работе (любовница босса) Ксю положено быть стервой. Гнобить своих подчиненных и «подсиживать» мою жену, добиваясь брака со мной. Ксю же, напротив, никогда не возьмет дорогого подарка, если я что-то похожее не купил Анастейше. Я поражаюсь. Такая забота! Порою мне смеяться хочется, глядя, как любовница тщательно осматривает мой пиджак на предмет прилипших к нему волос. Они же обе брюнетки! Ксю самолично чистит мой айфон, удаляя нашу с ней переписку, и соблюдает конспирацию так, что Штирлиц позавидует.

– Неужели ты не хочешь за меня замуж? – спросил как-то я. – Ребенка мне родить?

– Не-а. Не обижайся, но ты старый. – Ей двадцать девять, а мне пятьдесят. Но выгляжу я намного моложе. Большой теннис, плавание, пробежка по утрам. Женщины все еще заглядываются. – Еще пара лет, и мы разбежимся.

– Что, я перестану тебя удовлетворять?

– К жене вернешься.

– Да я и не уходил.

– Ну, я замуж выйду.

– Ты? Никогда!

Ксю – Афродита. Женщина-праздник. Быт ее заест. Афродита создана для любви, которой живет и дышит. Представить богиню любви меняющей малышу обкаканный памперс невозможно. Афродита к тому же живет здесь и сейчас. Она никогда не думает о завтрашнем дне. Нет, замужество Ксю убьет, она сама не понимает, о чем говорит.

Любит ли она меня? По-своему да. Без обязательств. Без претензий. Без особой какой-то глубины, как любит меня Настя, полностью погружаясь в свои чувства. Ксю дает – я беру. Ее тело, на Ксюшину душу мне наплевать. У меня для этого жена есть. Для чувств. Любовнице я плачу по тарифу. Оба довольны. Или я чего-то не знаю?

Вот Юля совсем другая. Артемида. Друг и соратник. Женщина-охотница. Мой финансовый директор. Она и стерва, и в деле разбирается, и девочки у нее шелковые, а точнее мальчики. Юля предпочитает руководить мужчинами. Финансовый отдел работает как часы, в отличие от маркетингового, где постоянные влеты. Но куда деваться. Умная любовница – это перебор. Хотя познакомились мы с Юлей при соответствующих обстоятельствах: я ее снял, когда она еще занималась древнейшей профессией. Но близости меж нами не случилось, Юля помогла мне добыть информацию, и я это оценил.

Да, Юля была элитной проституткой, но параллельно училась в вузе на экономиста и сколачивала капитал. Хотела открыть фирму. Прикидывала, в какой области может преуспеть. Я предложил Юле для начала поработать в моей строительной империи. Руководящего опыта набраться. Когда я стал владельцем контрольного пакета акций, то сделал Юлю своим партнером, миноритарием. Такой ценный кадр нельзя упускать.

Эти семь женщин и составляют мое окружение: Деметра – мама, Гера – жена, Гестия – сестра, Персефона – старшая дочка, Афина – младшая, любовница – Афродита и деловой партнер – Артемида. Всего через два часа меня убьют. Мне поведал об этом Юнг на сеансе спиритизма. Шутка.

А впрочем… «Далеко пойдешь, но кончишь плохо», – сказал мне как-то отец, отвесив пощечину и назвав мерзавцем.

Было дело. Когда я пытался узнать семейную тайну. За мной шла охота, а я убегал, как заяц. Как выяснилось, от себя. Это было двадцать лет назад.

Я и в самом деле далеко пошел, моя империя процветает. Но в ней завелась крыса. Одна из моих богинь взбунтовалась. Я почти уже мертв.

Вопрос: которая?

Деметра

В древнегреческой мифологии богиня плодородия. Богиня-мать, культ которой уходит корнями в далекое прошлое. Деметра – это Великая мать, порождающая и охраняющая все живое и принимающая в себя умерших, воплощение первобытной творческой энергии.

– Метров сто двадцать, не меньше. Классный выстрел! А это означает, что у нас большие проблемы, мужики.

Опера стояли на берегу реки, поодаль от места происшествия, где уже вовсю работали эксперты-криминалисты из Следственного комитета. Час назад из усадьбы крупного бизнесмена Леонида Петровского на Истринском водохранилище позвонила плачущая женщина и сказала, что ее сына убили.

Петровский лежал в беседке на пристани. Как сказала его мать, это было излюбленное место сына, где он отдыхал после вечерней пробежки. Говорят, на огонь и воду можно смотреть бесконечно. Леонид Петровский как раз и смотрел

на воду, когда с другого берега реки прилетела пуля. Всего один выстрел – в грудь, в область сердца. Пуля прошла навылет, войдя в левую подмышку, и пробила жизненно важный орган. Видимо, Петровский сидел боком или вполоборота. Первым прибежал охранник, который сказал, что босс умер у него на руках, успев сказать пару слов. Охранника сейчас допрашивали.

– Ну что застыли? – начальник уголовного розыска словно очнулся. – Работать! Надо найти лежку снайпера, оградить ее сигнальными лентами и поискать гильзу. Быть может, оружие.

– Профи работал. – Сказавший это капитан шумно высморкался. – Извиняюсь. Сыро тут. С реки дует. Такой выстрел мог сделать только боец подразделения «Альфа» или разведчик. А они оружия на месте преступления не оставляют. Не дураки. Пути отхода наверняка продуманы. Утопил оружие в глухом болоте, километров за десять, еще через десять вышел из леса с корзиной грибов. Сел в машину и уехал в неизвестном направлении. Убийство заказное. Такие не раскрываются.

– Похоже на то, Коля, – его начальник мрачно посмотрел на противоположный берег реки, где густые ивы свесили ветки до самой воды. – Убийство долго и тщательно готовили, возможно, это напрямую связано с бизнесом Петровского. А у Леонида Андреевича были масштабные проекты. Не только я так думаю. Это может касаться сильных мира сего. Ты посмотри, сколько начальства! Едут и едут.

Машины в усадьбу Петровских и в самом деле продолжали прибывать. Сначала приехали опера из местной криминальной полиции и местные следователи, потом нагрянули из областного СК, и наконец прибыл чин с генеральскими погонами аж из Москвы, из Центрального аппарата МВД.

Лежку снайпера нашли быстро. А вскоре и гильзу. Ждали водолазов, беспокоясь, что скоро стемнеет.

Убийство бизнесмена произошло в 17:45, это удалось установить точно из показаний охранника. Усадьба Петровских тщательно охранялась, сам Леонид Андреевич тоже никогда не ездил без охраны.

Сегодня что-то случилось. Потому что около четырех часов дня Петровский внезапно сорвался с работы, покинул свой московский офис и на машине, один, рванул в загородный дом на Истринском водохранилище. Забыв про всякую осторожность. Видимо, новость была чрезвычайная.

Когда наконец приехали водолазы, и в самом деле стемнело. Решили отложить поиски оружия до завтрашнего утра.

Итоги первого дня были неутешительные. Громкое заказное убийство, и, судя по гильзе калибра 7,62, выстрел был сделан либо из модернизированного автомата Калашникова, либо из СВД. Снайперской винтовки Драгунова.

Женщины, живущие в усадьбе, были в шоке, мать бизнесмена увезли в больницу с сердечным приступом. Жене укололи сильнейшее успокоительное, она сейчас спала. Старшая дочь, рыдая, заперлась у себя в комнате. Разговаривать со следователем категорически отказалась. Не ломать же дверь? Двоюродная сестра Петровского дать показания согласилась. Но твердила, как заведенная, про кару небесную и без конца крестилась. Добиться от нее чего-то конкретного оказалось невозможно.

Охранник, на руках у которого умер Петровский, единственный говорил осмысленно. И то как сказать. Нес он полную чушь, говоря о последних словах Леонида Андреевича. Хотя тугоухостью не отличался.

О приезде босса охранник ничего не знал, как и вся обслуга в усадьбе. Петровский нагрянул внезапно. Прошел к матери, они о чем-то с полчаса говорили. После этого Петровский ушел на пристань и уселся в любимой беседке. Судя по виду, Леонид Андреевич был крайне взволнован. Таким его видели редко. Да почти никогда. Охрана наблюдала за боссом издалека. Беспокоить его в такие минуты было не велено.

Убедившись, что босс преспокойно сидит в беседке, глядя на воду, охранник расслабился и достал сигареты. Покурил, прошелся по берегу, наблюдая обстановку. Все было как обычно. Потом он услышал необычный звук. Оружие было с глушителем, но профи-то поймет, что это выстрел.

Когда охранник увидел, что босс лежит на полу беседки в неудобной позе, сразу побежал на пристань. Петровский был еще жив. Он силился что-то сказать. Его

хватило на несколько слов, видимо очень для него важных.

Охранника допрашивали три следователя, по очереди. Благо прибыло их немало, разного уровня и звания. Все они силились понять, что имел в виду один из главных свидетелей.

– Что дословно сказал Леонид Андреевич?

– Он… он улыбался.

– Улыбался?!

– Да. Про голыша какого-то сказал.

– Голыш? Что вы имеете в виду?

– Ну, типа пупс. Игрушка.

– Вы не ослышались?

– Н-не знаю, – запнулся вдруг охранник. – Вы поймите: я был шибко не в себе. Это ж моя работа: босса охранять. А я не справился. Может, почудилось. Он еле губами шевелил.

– И улыбался?

– Ну да.

Единственная из женщин Петровского, кто не паниковал и был готов к общению, это младшая дочь бизнесмена Алла. Но ей было всего восемнадцать. И как ее допрашивать? Напуганную девчонку? Одни эмоции и слезы. Поэтому начальник уголовного розыска подозвал старлея Женю Снегина, парня лет тридцати. Но выглядел Снегин гораздо моложе, у него до сих пор спрашивали паспорт, прежде чем продать спиртное.

Старлей легко краснел, глаза у него были как у брошенного щенка, а губы по-девичьи яркие, шапка светлых волос прикрывала торчащие уши. Никто бы и не подумал, что парень полицейский. Да еще и в уголовном розыске служит. Коллеги тоже были уверены, что Онегин (так за глаза звали Евгения) в угро не задержится. Но кадр использовали на все сто, для бесед по душам с чувствительными женщинами, которые таяли, глядя на Женькины пшеничные ресницы, и испытывали неконтролируемое желание погладить Снегина по русым вихрам.

– Женька, поговори с девушкой, только аккуратно. Как с подружкой. Прежде чем следователь в девчонку вцепится. Она может замкнуться в себе. Попробуй узнать, не видела ли она чего. Может, в курсе, зачем бабушка ее отцу позвонила. Что его так сдернуло?

– Есть!

Снегин волновался. Громкое убийство, заказное! И он может узнать все подробности, да еще пошарить в кустах, где залег киллер, посмотреть на место преступления его глазами! Это ведь захватывающее противостояние высококлассных профи с обеих сторон, поскольку Снегин не сомневался: все силовые структуры будут брошены на раскрытие громкого дела. Хотя, к разочарованию Евгения, коллеги, похоже, уже сдались. Такие убийства не раскрываются.

А вот он сдаваться не собирается! Пойдет и вытрясет из девчонки бесценную информацию. Узнает, зачем так внезапно приехал в Бережки ее отец. Здесь есть роковая тайна. Ключ к убийству. Ха! Восемнадцать лет! Инфантильная маменькина дочка, богатая девочка, которая не сможет из своей спальни до кухни дойти без айфона. «Алиса, где я?»

Девчонка сидела на необъятных размеров белоснежном диване в гостиной на первом этаже, в самом деле уткнувшись в гаджет. Когда Снегин подошел, подняла глаза. Он невольно отшатнулся. И подумал: «Незабудки в бронированном стекле».

Алла была одета в безликую толстовку размера этак пятидесятого и широкие штаны, черные волосы коротко острижены. Унисекс. Девушка была худая, но не тощая, как отметил Снегин. Под толстовкой на четыре размера больше Алла

Петровская скрывала грудь третьего размера, не меньше. Но силилась казаться пацанкой.

– Могу я с вами поговорить? – спросил Снегин, и его щеки предательски порозовели.

– Сделайте такое одолжение. – Алла хмыкнула и подвинулась: – Прошу.

Рядом он не сел, взял стул и поставил напротив дивана, на безопасном расстоянии. Что-то подсказало Снегину, что в качестве мальчика для битья будет как раз таки он.

– Евгений Юрьевич Снегин, старший лейтенант, – он достал из кармана удостоверение.

– А ну, дайте, – Алла протянула руку. – Гм-м-м… И в самом деле. Легкая добыча, да?

– Не понял?

– Ладно, спрашивайте.

– Вы, я вижу, не очень-то расстроены.

– Я любила отца больше их всех, – серьезно сказала Алла. – А он меня. От боли плачут, да? Папа улыбался.

И она улыбнулась. Снегин почувствовал, как и его губы невольно растягиваются в улыбке. Дьявольщина.

– Вы учитесь, работаете? – Он опять покраснел. Спросить у дочки олигарха, работает ли она! Идиот!

– Учусь. Физтех, второй курс. ФУПМ. Факультет управления и прикладной математики.

– Туда же проходной балл будь здоров! – вырвалось у Снегина. – Там только парни учатся!

– Сто баллов ЕГ математика и девяносто восемь физика, – спокойно сказала Алла. – Мне хватило.

– Сто баллов по математике?!

– Папа купил, – Алла холодно посмотрела на Снегина.

– Вы знаете, почему он вдруг приехал?

– Знаю, что бабушка ему позвонила.

– А причина?

– Она сказала только, что с сегодняшнего дня наша жизнь изменится. Попросила всех собраться вечером в каминном зале. Летом. Сказала, что сюда едет отец, который будет с нами ужинать.

– А о причине сказала?

Алла пожала плечами:

– Отобрали виллу на Лазурном Берегу? Папу внесли в черный список, и он теперь невыездной? Вместе со всеми нами. Сами знаете, какие нынче времена.

– А вы, я вижу, не сильно бы расстроились.

– Айтишники хорошо зарабатывают. Папины капиталы мне не нужны.

– Кто бы мог желать ему смерти?

– Я точно не желала. Про бабушку, маму, Полину и тетю Катю гадости говорить не буду. Сами у них спросите… Слушай, а как ты попал-то в уголовный розыск? – с интересом спросила вдруг Алла. – Не обижайся, но ты того… Как не мент. Твоя

кличка Онегин? Снегин – Онегин. Да еще Евгений, – хмыкнула она. – Несчастный.

Он залился краской до ушей. Проницательная девица. Еще бы! Сто баллов по математике, физтех! Считает небось как робот. Варианты. И четко бьет в больное место.

– Я вам оставлю свой номер телефона, – он полез в карман.

– Диктуй, я забью в записную книжку.

– Если что-нибудь важное вдруг вспомните, позвоните, – сказал он, когда Алла записала контакт.

Она молча ткнула пальцем в айфон, и Снегин почувствовал, как в кармане завибрировал его смартфон.

– Пометь: Алла. Ты, конечно, великий сыщик, но вид у тебя как у брошенного щенка. А я умная. Папа это знал.

– Хватит мне хамить и тыкать! – разозлился Снегин. – Дочке олигарха все можно, да?

– А ты не любишь богатых. Ну и дурак. Так мыслит только примитивный разум. Я очень хочу, чтобы нашли убийцу отца, – тихо сказала Алла. – Я хочу понять: за что? Неужели за деньги? Не верю! Со мной никто не поделится информацией, не расскажут, как сюда пришел киллер, как он ушел. Как узнал, что папа здесь. Только с тобой я могу разговаривать как с человеком. А ты обижаешься.

– Лейтенант Снегин, на выход! – услышал он голос начальства.

И вскочил:

– Есть!

Его опять машинально понизили в звании. Что поделать: слово «старший» с Евгением Снегиным никак не сочеталось. Ни в каких комбинациях.

– Рабочий день на сегодня закончен. – По хмурому виду начальника уголовного розыска было понятно: дело ясное, что дело темное. Ни малейшего просвета.

Но Снегин ошибался. Отпускать никого не собирались. Дело было громкое, резонансное, и к ночи всех, кто выезжал на место происшествия, собрал у себя в кабинете начальник криминальной полиции, который, морщась от дыма, потому что до смерти уставшие коллеги Снегина беспрерывно курили, сказал:

– Эксперты сделали вывод, что снайпер провел на позиции около часа. Не больше. То есть ему сообщили, что Петровский едет в Бережки, уже когда Леонид Андреевич был в пути. Это означает, кто-то из членов семьи был на связи с киллером. Потому что отъезд в Бережки был спонтанным. Нам необходимо выяснить, кому Петровский сообщил, что едет сюда. Потому что…

Полковник сделал паузу.

– Все серьезно, – сказал наконец он. – Оружие может не числиться в нашей базе. К нам идет огромный поток беженцев с Украины, возможно, кто-то из них и взял заказ на Петровского, чтобы подзаработать. Дело будет передано в главк из-за его особой важности. Всех силовиков на уши поднимут. Нам, скорее всего, оставят рутину, поскольку мы хорошо знаем местность. Единственная ниточка к снайперу – кто-то из Петровских имеет с киллером связь. Возможно, женщину используют втемную. Она не понимает, что делает. Во что ввязалась. Мотивы ее поступков надо выяснить. Но контакта с членами семьи Петровского у нас, увы, нет.

– Есть, – голос у Снегина сорвался. Он встал: – Разрешите?

– Говори, Женя.

– У меня есть контакт с младшей дочерью Леонида Андреевича Аллой. Она готова сотрудничать.

– Что значит – сотрудничать? – сурово сказал полковник. – А вдруг это она? Я же сказал: втемную используют. Девчонка вполне подходит.

– А у нас выхода нет, – вступился вдруг за Снегина его непосредственный начальник. – Разрешите?

– Говори.

– Нам нужен свой человек в доме у Петровских. Если Евгений станет парнем Аллы Петровской, ему многое могут невзначай рассказать.

– МЧ, – машинально поправил Снегин.

– Не понял?

– Сейчас говорят: МЧ. Молодой человек.

– Внедриться, значит, – задумался полковник. – Под видом МЧ. Даю добро, – сказал он после паузы. – Но! Аккуратно. Не спугни ее, Женя. Эту женщину, у которой связь с киллером. Иначе мы его никогда не найдем. И перестань ты уже краснеть, как девушка.

– Он МЧ, – басом сказал кто-то.

Народ заржал, а Снегин залился краской до самых ушей. МЧ дочки олигарха – хорошее задание! Да как за ней ухаживать, за этой Аллой? В кино водить, цветы дарить? Смешно.

Разве что умом.

«Блин, сто баллов по математике!» – с тоской подумал Снегин. Который даже азов программирования не знал. Это все равно что лезть на Эйфелеву башню в ботинках на скользкой подошве.

«Провалю задание – подам рапорт и уволюсь», – угрюмо подумал он.

* * *

Десять лет назад

Дом наконец был достроен. Отец удивился, что я не стремлюсь жить на Рублевке. Мне же хотелось быть отсюда как можно дальше, я и так терпел десять лет. За эти годы я прошел все ступеньки карьерной лестницы, начав с менеджера низшего звена. Продавал строящиеся объекты непосредственно на месте. Разговаривал с клиентами, временами теряя терпение.

Сколько же ядерных идиотов! Люди сами не знают, чего хотят. Вернее, они хотят качественное жилье задешево. В хорошем месте за смешные деньги. Все мечтают выиграть в лотерею. В Москве же все денег стоит. И беспроигрышной лотереи здесь давно уже нет. Убедить людей, что ты их не обманываешь и продаешь хороший товар за его истинную цену, крайне сложно. Но я честно пытался. Мне надо было изучить спрос. Тогда же я и прошел курс практической психологии. Вовсе не для общего развития, как сказал жене.

После года трудов праведных «на земле» я переехал под крышу небоскреба. В одну из башен Москва-Сити, где папа арендовал два этажа под головной офис фирмы. И стал менеджером среднего звена. Давать указания низшему. В секретарши взял Юлю. Все сразу же подумали, что Юля будет моей любовницей. У меня родилась Полина, и Настя была поглощена заботами о ребенке. Как все думали.

Кроме Юли. Хотя она для приличия предложила мне себя. Разговор был яркий, я до сих пор его помню. Мы засиделись допоздна, я начал постигать теорию откатов при госзаказах. Механизм работы тендеров, которые выигрываются предсказуемо. Мне надо было, чтобы отец сдал все свои связи. А для этого я должен был все их вычислить. Со всеми чиновниками, выносящими судьбоносные решения, подружиться. Всех контрагентов обаять. Доказать, что я – Петровский. Сын своего отца.

Я пил бессчетную чашку кофе, прилипнув к монитору, а Юля таскала мне на стол папки с документами. Кроме нас, на этаже никого уже не было. Офис давно опустел. К одиннадцати мы оба выдохлись.

Юля присела в кресло и спросила:

– Здесь курить можно?

– Нет. Иди в туалет. До утра выветрится.

Не выношу курящих. В папином офисе курить запрещено. Но Юля славно поработала сегодня. К моему удивлению, она не шелохнулась. И тут я понял, что смертельно устал. Напротив меня в черном кожаном кресле сидела красивая молодая женщина, бывшая элитная проститутка. Мы славно могли бы провести время. Я знал, что Юля мне не откажет. Глаз у меня на такие вещи наметанный. Мне показалось даже, что она этого ждет.

– Нет, – повторил я.

– Понятно. – Юля закинула ногу на ногу. Я увидел, что на моей секретарше нет нижнего белья.

– Я не поклонник этого фильма.

– Ты про «Основной инстинкт»?

– Ведь сцена оттуда?

– Зато красноречиво. – Она повыше подтянула левую ногу. – Не люблю говорить банальности.

– Но делаешь.

– Все думают, что я твоя любовница.

– Знаю… Ты помнишь нашу первую встречу? На регате?

– Никогда этого не забуду.

– Я был на десять лет моложе, абсолютно свободен и мог бы устроить себе мальчишник. Если я тогда этого не сделал, то почему ты так уверена, что сделаю сейчас? Что изменилось?

– Ничего. – Юля опустила ногу и села прямо, натянув на колени юбку. – Прости. Больше этого не повторится.

– Мне наплевать, что обо мне думают. Я ни перед кем не собираюсь оправдываться. Ты мне нужна, я этого и не скрываю. Мне нужна информация, как и тогда. Ни я тебя не люблю, ни ты меня. Мы с нашим опытом могли бы доставить друг другу удовольствие, это правда. Но тогда ты перестанешь быть моим другом. Мы не разочаруем сотрудников фирмы, но я в тебе разочаруюсь. Заработай кучу денег и купишь себе дюжину таких пупсов.

– Ладно. Мир, – рассмеялась Юля и встала. – Ты все равно уже ничего не соображаешь, пора заканчивать. Помогу, чем могу. Если надо – лягу под твоего отца.

– Он не воспользуется. Непробиваем.

Отец и в самом деле однолюб. Он обожает маму. Я, таким образом, знаю его слабое место, туда и ударил, когда основательно подготовился. Построил дом подальше от Рублевки и стал первым папиным замом с неограниченными полномочиями.

Не буду врать: я волновался. Хотя за десять лет должен был бы успокоиться. Но у меня в бумажнике лежала старая фотография. Парень на ней улыбался такой знакомой улыбкой. Я нашел ее в старом доме, в конверте за иконой, вместе с письмом. И стал терпеливо ждать.

В тот день я сказал матери:

– Собирай вещи.

Она молча кивнула. Она тоже терпеливо ждала десять лет. Настя уехала днем раньше, ничего не спрашивая. Жить в своем собственном доме она хотела давно. Подрастали Полина с Аллой, им надо было менять школу. Но лучшие репетиторы за большие деньги примчатся, куда скажешь. Я уже все решил.

Когда отец приехал вечером домой, он был пуст. Я ждал отца в саду, у павильона с мангалом. Место действия изменить нельзя. Десять лет назад здесь

все и случилось.

– А где мама? – взволнованно спросил он.

Накрапывал дождь, и я сидел под навесом. Передо мной стояла бутылка французского коньяка и два пузатых бокала.

В ответ на слова отца я молча разложил перед ним фотографии. Надо отдать ему должное: держался он хорошо.

– Та-ак… Давно знаешь?

– С самого начала. Я тебе соврал. Я нашел замок, куда вставляется тот огромный ржавый ключ. Нашел дом, а в доме – это, – я кивнул на фотографии.

– И как ты решил поступить? – напряженно спросил отец.

– У убийства огромный срок давности, и он еще не вышел. К тому же есть свидетель. И ты не захочешь, чтобы он давал показания в суде.

– Ты о матери?

– Да.

– Где она?

– Она от тебя ушла. Давно собиралась, но я просил повременить. Она тебя не простила. Она молчала, но не простила.

Он не выдержал и налил себе полный бокал коньяка. Залпом выпил. Хрипло спросил:

– Каковы твои условия?

– Я так и знал, что ты будешь торговаться. Я тоже не хочу давать делу ход. Но если ты меня вынудишь, я это сделаю. Десять лет назад я дал себе слово, что ты

заплатишь. Мои условия: ты полностью отходишь от дел. Возраст у тебя пенсионный, и это никого не удивит. Я становлюсь главным бенефициаром, владельцем строительной компании, ты отдаешь мне все свои акции. Все без исключения активы. И все деньги. И уезжаешь.

– Куда?

– На Кипр. Там есть дом. Ты будешь жить как пенсионер. Я буду выплачивать тебе содержание. Скажем, пару тысяч евро в месяц.

– Кипр недешев, – усмехнулся отец. – Мне едва хватит покрыть расходы на содержание дома и бензин. Это бедность, Леня. Я даже поехать никуда не смогу. Мне придется копить на билет в Москву.

– Это правда. Дом большой, расходы тоже. Но я не хочу, чтобы на мои деньги ты готовил расправу. Я хорошо тебя знаю. Ты Петровский.

– А вот ты нет. Я всегда знал, Ленька, что ты мерзавец. Каюсь: недооценил. Подготовился, да? А я думал, за ум взялся. Жестко ты меня прессуешь.

– Чему-то же я у тебя научился. Так как? Принимаешь мои условия?

– А мама?

– Она останется здесь. У нее внуки, она ими дышит. Она ведь давно уже тебя не любит. Спальни у вас раздельные…

– Не смей! – он сорвался.

Я подумал, что он ударит меня. Но я больше не мальчик для битья. Я встал. И посмотрел на него сверху вниз. Я выше почти на голову. И он почти старик. Ему шестьдесят пять.

– Сцена не повторится, – сказал я твердо. – Сгорбыш будет жить. Пей коньяк, – я кивнул на бутылку. – Завтра жду тебя в офисе. Оформим документы – и частный самолет в тот же день доставит тебя на Кипр. Это будет твой остров Святой Елены. Ты ведь маленький Наполеон. Построил строительную империю. А вот

твое Ватерлоо, – я кивнул на фото.

И он сдался. Пошел на сделку. Я знаю, что он звонил моей маме, и не раз. Я не запрещал ей общаться с бывшим мужем. Просто я знаю, что есть женщины, для которых материнство превыше всего. Деметры. Я четко все просчитал. Я сказал матери: или-или. Уедешь с ним – не увидишь ни меня, ни внуков. И мама осталась.

Все время думаю: а как бы поступила Настя? Кого бы выбрала она?

Я тогда победил. Но у каждого Наполеона свое Ватерлоо. У каждого, кто создает империю. Я знал, что за все надо платить. И где-то рядом есть человек, который также ждет. Как я ждал десять лет. Я постоянно чувствовал взгляд, сверлящий мне спину. Мелкие детали типа сорванной сделки. Настин вопрошающий взгляд. Слезы на глазах у мамы. Катя, которая пыталась повесить мне на шею освященный крест из Новоиерусалимского монастыря.

Мне никто ничего не говорил. Не устраивали сцен. Они не спорили. Не осуждали мои поступки. Но это еще хуже. Молчаливое ожидание. Казалось, все мои женщины знали, чем все закончится. Но не пытались меня остановить.

* * *

Сначала Снегин написал Алле в ватсап: «Можем встретиться?»

«Я у бабушки в больнице», – отбила Алла.

Снегин обрадовался. Вот он, шанс! Можно поговорить с Эвелиной Вячеславовной Петровской и узнать, зачем она звонила сыну. Снегину тут же стало стыдно. Женщина единственного сына потеряла и лежит в реанимации, а он собирается старого больного человека допрашивать.

«Как себя чувствует бабушка?» – написал он Алле.

«Уже лучше. Перевели в обычную палату».

У него отлегло от сердца.

«Можно, я приеду?» – аккуратно спросил он.

«Адрес знаешь? Ах да! Ты же мент. Успеешь к двум? Или на работе не отпустят?»

Снегин сообразил: Алла проверяет, не задание ли она. Как быть? Соврать или сказать правду?

«Сто баллов по математике, – уныло подумал он. – Да еще и дочка олигарха».

И написал: «Мне надо поговорить с твоей бабушкой, поэтому отпустят».

«Хорошо, что не соврал, мол, запал на меня. Влюбился с первого взгляда в мои прекрасные глаза и несравненную фигуру. Тебе ведь нужна не я, а мои миллионы?»

Он уже понял, что крепко влип. Сидел бы и молчал. Нет, вылез! «У меня есть контакт с Аллой Петровской». А она в физтехе учится. Вокруг одни мужики. Парни то есть. Ей МЧ обзавестись – только пальцами щелкнуть. У Снегина в физтехе учился друг. Хотя баллов по математике у него было поменьше, чем у Аллы Петровской.

«В физтехе и Баба-яга красавица», – сказал как-то друг. Парни с утра до вечера на занятиях. Лекции и семинары нон-стопом, до восьми вечера. И любая девчонка для них принцесса. А Алла совсем не страшная. Можно даже сказать, симпатичная. Если бы нормально одевалась и накрасилась, то вполне могла бы стать мисс физтех.

На хрена ей какой-то мент?

«В два буду, до встречи», – отбил Снегин, прикинув, хватит ли денег на такси. Вроде бы зарплату на карточку кинули. А если Алла захочет поужинать? Где ужинают дети олигархов? И почем?

«Командировочные выписали бы, что ли, раз задание», – думал он, подъезжая к больнице.

С виду она была обычная. Но Эвелина Петровская лежала в вип-палате. Палата оказалась двухкомнатной, кровать была навороченной, со всякими умными функциями, при госпоже Петровской неотлучно находилась персональная медсестра.

– Привет, – кивнула Снегину Алла. – Проходи.

– Я могу побеседовать с твоей бабушкой наедине?

– Бабушка, как?

Снегин с удивлением смотрел на женщину, лежащую на кровати. Эвелина Вячеславовна оказалась поразительной красавицей. Такие шедевры природа создает любя, они и стареют красиво, засыхая, будто цветки для гербария, краски тускнеют, кости становятся хрупкими, плоть усыхает, но не теряет своего изящества. На Евгения смотрели огромные фиалковые глаза, полные невысказанной тоски. Седина в волосах у Эвелины Вячеславовны была сродни мелированию, на которое другие женщины тратят немыслимые деньги. Петровскую она не старила, а напротив – Снегин ни за что не дал бы Эвелине Вячеславовне больше сорока пяти. Хотя по паспорту ей было семьдесят. Даже болезнь ее не уродовала и совсем не старила. Снегин, тридцатилетний парень, невольно любовался старухой. Старухой?!

– Я готова ответить на ваши вопросы, – с достоинством сказала Петровская. – Присаживайтесь.

Он почувствовал себя на приеме у английской королевы. Титула у Эвелины Вячеславовны не было, но ее короновала сама природа, наделив царственной неувядающей красотой. Снегин невольно заробел.

Алла молча, не отрываясь от гаджета, вышла в соседнюю комнату.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Евгений, присаживаясь на стул. Вводный вопрос, обязательный.

– Никак. Леня умер… – голос Эвелины Вячеславовны дрогнул. – Я живу лишь ради внуков. Мне надо доделать начатое.

– Я понимаю. Но нам надо найти убийцу. Вы хотите нам помочь?

– Спрашивайте. Хотя это ничего не изменит. Круг замкнулся. Я говорю высокопарно лишь потому, что не могу подобрать нужные слова. Все это очень сложно. А я не так уж умна.

– Главный вопрос: с какой целью вы позвонили сыну и вызвали его в Бережки?

Она устало закрыла глаза, а когда открыла их, Снегин понял: соврет. Фиалки увяли, похоже, от горя. Не случилось то, что должно было случиться.
И Петровской теперь все равно. Истина будет похоронена.

– Мне стало плохо, и я хотела… я думала… В общем, вы понимаете, зачем старый больной человек зовет к себе сына.

– А чем вы больны? Простите.

– У меня невроз. Сердце шалит. Спросите у лечащего врача, я не сильна в медицинских терминах.

– То есть у вас случился сердечный приступ?

Веки с длинными и густыми, несмотря на возраст, ресницами опять опустились на фиалковые глаза.

– Близко к этому, – сказала Эвелина Вячеславовна.

– Ну а зачем вы попросили вечером всех собраться в каминном зале? Как я понял, делалось это лишь в особо торжественных случаях: сбор семьи в самой большой и главной комнате вашего огромного загородного дома. Вы хотели подчеркнуть масштаб события.

– Мое завещание, – прошелестела Петровская.

– А у вас много чего завещать? – вырвалось у него.

– Нет. Не очень. Хотя… Муж переписал свою недвижимость на меня. Мы официально не в разводе, несмотря на то что вот уже десять лет не живем вместе. У мужа остался лишь дом на Кипре, где Андрей живет. А вот все остальное… Вилла на Лазурном Берегу, яхта… Яхту, впрочем, отобрали. Насчет виллы не знаю. Может, и ее уже отобрали. Вы ведь знаете, все заграничные активы крупных российских бизнесменов заморожены. Я, увы, не в курсе, сколько у меня чего.

– Но завещание написали?

– Д-да.

«Врет, – уверенно подумал он. – Дела ей нет до заграничной недвижимости». И сказал:

– В первый раз такое слышу. Обычно все жалуются на бывших мужей. Судятся с ними. Они ведь все отбирают. А вас, наоборот, нагрузили имуществом. Получается, бывший муж отдал вам все, кроме дома, где сам живет. А деньги?

– Деньги тоже. Отдал, – она невольно сглотнула. – Леня платит… платил Андрею пенсию. Весьма скромную, если учитывать активы, которыми Андрей владел до… того.

– До чего?

– Так. Семейная ссора.

– Кому вы сказали, что Леонид Андреевич едет в Бережки?

– Всем, кто был в доме.

– Прислуге тоже?

– Зачем? – удивилась Эвелина Вячеславовна.

– А как же торжественный ужин? Надо ведь было сказать повару, чтобы постарался.

Петровская смешалась. Потом сказала:

– Леня был непривередлив в еде. Это был бы обычный ужин.

– Но объявление, которое он хотел сделать, необычное. Так?

– Это дела семейные. К убийству моего сына не имеют никакого отношения.

– А за что его, по-вашему, убили?

– Как у вас говорят: это связано с бизнесом. Леня активно подключился к строительству коттеджного поселка в Крыму.

– О! Это интересно! Деловыми связями и контрактами Леонида Андреевича не я занимаюсь.

– А чем вы занимаетесь?

– Мне ваша внучка очень уж понравилась, – Евгений вспомнил о почти уже проваленном задании.

– Полина? Боюсь, что у вас нет шансов, – неожиданно улыбнулась Эвелина Вячеславовна.

– Нет, что вы! Я об Алле.

– Не смешите меня. Алла очень умная девушка. Я бы даже сказала – чрезвычайно умная. Здесь шансов еще меньше. И вряд ли она могла вам понравиться.

– Это еще почему?

– Она к этому не стремится. Нравиться. Наверняка язвила, высмеивала, пыталась уколоть побольнее.

Снегин почувствовал, что розовеет.

– И все же я попробую. А вдруг? Дело передали в главк…

– Кому, простите?

– В Главное областное управление Следственного комитета.

– И потому вы меня с таким пристрастием допрашивали?

– Извините. У меня права такого не было, чисто из любопытства.

– Карьеру делаете?

– Нет. Больно уж дело громкое. Оружие редкое. Уж очень все необычно. И то, что вы рассказываете, тоже. Как-то все… странно.

– Извините, я устала. – Петровская закрыла глаза. Снегин понял, что больше ничего не добьется. Ну не хочет говорить Эвелина Вячеславовна, зачем так срочно вызвала сына в Бережки.

О том, что он едет, знали обе ее внучки, сноха и некая Катя. Похоже, приживалка. Петровский наверняка еще кому-нибудь сказал. Он сделал пару звонков уже из машины, по дороге в Бережки. Суд наверняка уже рассмотрел запрос следователя о том, чтобы рассекретить персональные данные бизнесмена. На это уходит не больше суток. Скоро распечатка всех звонков Петровского в последний день его жизни у следствия будет. Кому звонил Леонид Андреевич и кто звонил ему. Но вот о чем говорили…

– Отдыхайте. И… выздоравливайте, – Снегин нехотя поднялся. Тайну он так и не узнал.

– Спасибо. Я уже попросила, чтобы меня завтра выписали.

– Вы не станете возражать, если я буду встречаться с Аллой?

– Ну, если вы сумеете этого добиться…

– Я буду у вас бывать, – сказал он, сам удивившись прозвучавшему в голосе пафосу. Как в старинных романах! Вот что значит говорить с королевой! – Хорошо, что мы с вами познакомились.

Он подошел в двери в соседнюю комнату и дважды стукнул. Вскоре появилась Алла:

– Закончился допрос?

– Мы беседовали, – поправил Снегин. – Ты как? Может, перекусим где-нибудь?

– Иди, Алла, – кивнула Эвелина Вячеславовна. – Вечером твоя мама обещала приехать. Ей уже лучше.

В холле Снегин хотел было вызвать такси, но Алла его остановила:

– Я на машине.

Он вспомнил гараж на три машины в доме Петровских. Площадью полторы тысячи квадратных метров. Маленький такой домик. Разумеется, одну машину взяла Алла, чтобы съездить к бабушке в больницу. Сейчас середина лета, сессию Алла наверняка уже сдала. Небось у нее никогда не было хвостов.

Снегин, заливаясь краской, полез на пассажирское сиденье типично дамского внедорожника. Как альфонс какой-нибудь, что больно ранило гордость. Алла уверенно села за руль.

– Что сказала тебе бабушка? – спросила она, выруливая со стоянки у больницы.

– Так. Ничего существенного. А ты знаешь, зачем она звонила отцу? Что сказала?

– Понятия не имею. Вроде ничего серьезного за последнее время не случилось. Разве что Полина замуж собралась, – насмешливо сказала Алла. – Так она об этом объявляет еще со школы. Она уже в первом классе собиралась замуж за соседа по парте, о чем всем нам объявила. Мне пяти еще не было, но даже я

помню. Все было так торжественно, – Алла фыркнула. – Для Полины это вопрос жизни. Только вот выбор сделать сложно. Вокруг нее вьются толпы поклонников. Смотри не влюбись.

– Надо было! Мне актрисы не нравятся, манерные они какие-то. Еще больше не нравятся инстасамки. Твоя сестра небось фотки в блоге каждый день постит? Инсту закрыли, но есть ведь ВПН. Думаю, для дочки олигарха не проблема, а деньги ей и не нужны.

– Правильно думаешь.

– Куда мы едем-то?

– В «Макдоналдс». Тьфу! Теперь это как-то по-другому называется. «Точка», кажется.

– Разве дети олигархов едят чизбургеры? – вырвалось у него.

– Нет, они мажут фуа-гра на филейную часть амурского тигра. Расслабься ты уже. А то я не знаю, что ты мысленно подсчитываешь, хватит ли у тебя денег накормить принцессу. Сразу предупреждаю: за свою еду я буду платить сама.

Снегин разозлился. Неужели у него такие примитивные мысли, что девчонка легко их читает? Да она его совсем не знает!

– Родителей не выбирают, – тихо сказала вдруг Алла. – Не у тебя же отца убили.

– У меня тоже проблемы.

– А именно?

– Я не хотел быть опером. Но моя мама подполковник полиции. Правда, работает в пресс-службе, но это ничего не меняет. А папа…

– А папа?

– Следователь.

– Надавили, да?

– Понимаешь, у меня никаких талантов нет. С тобой небось все с детства было понятно. Олимпиады выигрывала. Было?

– Было, – согласилась Алла.

– Ну а я стихов не пишу, на ухо медведь наступил, танцы ненавижу. С физикой беда, математика неплохо шла, но до тебя далеко. Химия – мимо. Память у меня хорошая, это да. И куда мне? По стопам. Мать настояла, я не спорил. Но похоже, не мое это.

Они зарулили к окошку, где автолюбители, не выходя из машины, получали заказ.

– Что будешь? – спросила Алла.

– Как себе. Мне все равно.

Ели они на стоянке у бывшего «Макдоналдса». Снегин молча достал деньги за свой обед и положил на колени Алле. Она так же молча взяла.

– Ну а как насчет спорта? – спросила Алла, протягивая ему салфетку, которую достала из пакета с заказом.

– О! С этим полный порядок! – оживился Снегин, вытирая испачканные в соусе пальцы.

– Неужто черный пояс по карате?!

– Почему сразу карате, – он слегка обиделся. – Есть и другие виды спорта, игровые.

– Для волейбола-баскетбола ты низковат, – с сомнением сказала Алла. – В хоккей, что ли, играешь?

– В бильярд.

– Бильярд – это спорт?! Скажи еще, шахматы спорт!

– И скажу! Бильярд развивает выносливость! Терпение, логику, глазомер. Да сыщику все это просто необходимо!

– Ты же сказал, что не любишь свою работу. Выбрал ее по принуждению.

– А бильярд – потому что хотел! Я, между прочим, в снукер играю. А он невероятно популярен в мире.

– И как успехи? – ехидно спросила Алла.

– На чемпионате России в мае я набрал триста очков, между прочим.

– Это какое место?

– Мы поделили места с девятого по шестнадцатое, – Снегин предательски порозовел.

– Очень интересно!

– У меня первый разряд! А теперь я вообще без пяти минут к. м.с.

– И какие перспективы?

– Честно? Да никаких. Ваньке, победившему на России и который почти вошел в этом году в мировую элиту снукера, двадцать два. Пацан еще, а я у него выиграть не могу. Мне-то уже тридцатник. Ушли поезда. Раньше надо было начинать, да у нас столов для снукера мало. А я еще и не в Москве живу, а в области. Ездить далеко, работа. Тренироваться негде и не с кем. Уровень не тот. Так, для души.

– Ну, а положим, в московском ресторане, на бильярде. Вот приходим мы с тобой, ты такой весь в костюмчике, с модной стрижкой. На вид мальчишка. И богатые вальяжные дяди предлагают партию. Достают свои толстые кошельки. Вынесешь ты их?

– Спрашиваешь. Но я никогда не стану издеваться над людьми, зная, что класс моей игры намного выше. У меня как-никак первый взрослый. Это нечестно.

– Вот дурак!

– А сама? Такая умная девушка, а мечты у тебя глупые. Чтобы твой парень в кабаке всех вынес в бильярд.

– Много ты про меня знаешь!

– А ты про меня!

Они вдруг резко замолчали. Алла достала из бумажного пакета оставшиеся салфетки, протянула ему:

– Вытри руки и рот. Куда поедем?

– Мне на работу надо, – угрюмо сказал он.

– А разве не я твоя работа?

– Мне надо узнать, зачем твой отец приехал вчера в Бережки.

– Мне бабушка не сказала. Может, кому-то еще? Я тебе помогу. Приезжай завтра. Устроим чаепитие. Не злись. Смешно: я играю в футбол, а ты бильярдист. Но нашим женщинам это понравится. Они любят манеры, особенно Полина.

– Манер у меня нет. Я обычный мент. Которого, похоже, скоро выпрут. Или сам уйду.

– Бильярдом будешь зарабатывать?

– На богатой женюсь.

– Я подойду? – Алла повернулась и посмотрела на него в упор.

– Ну, если очень попросишь…

– А ты прикольный. Никогда таких раньше не встречала. Ты мне звони. А лучше в мессенджер пиши.

– Я с ошибками пишу.

– Так и у меня сто баллов не по русскому. По математике.

Снегин смотрел на дорогу, чувствуя: отлегло. И про бильярд сказал, и про родителей. Алла вроде нормально прореагировала.

«А что, если это она подала сигнал киллеру?» – похолодел вдруг он. И понял, что этого ему страшно даже сказать как не хотелось бы.

Алла, конечно, язва. И к тому же дочка олигарха. Слишком умная. Самоуверенная. Снегин находил у нее массу недостатков и злился. Потому что, вопреки всему, Алла ему нравилась. Он очень хотел бы, чтобы она стала его девушкой по-настоящему.

* * *

Милый недалекий мальчик, изображающий крутого сыщика, ушел, а она так и лежала с закрытыми глазами. Вот уже двадцать лет она хранит семейную тайну. Ради Лёниной семьи, ради Насти.

Перед глазами проносились события двадцатилетней давности. Эвелина Вячеславовна видела высокого худого мужчину, бегущего по газону, и разгневанного мужа, который кричал:

– Кто это?! Зачем?!

Потом узнала от сына, что в него стреляли. Узнала, кто и почему. Уже тогда она все решила. Потому что сын.

Ленька рос непутевым. А в двадцать лет вообще сбежал из дома. Не давал о себе знать, шатался по трущобам и притонам. Она уже не раз его похоронила. И сама умерла. Умерла ее душа в этих непрерывных муках. Материнское сердце омертвело, в нем не осталось слез.

А потом он вернулся. Как сказал Андрей: нагулялся. Но ничего не закончилось, а, напротив, только началось. Сын устроился на работу в глянцевый журнал помощником фотографа. Стал халдеем и по уши окунулся в московскую грязь. С его-то независимым характером и амбициями!

Один из самых завидных женихов Москвы, красавчик Лео, как звали его в тусовке. Эвелина Вячеславовна собирала фотографии сына и любовалась им. Он мог бы стать моделью или знаменитым актером. Новым секс-символом. А он ходил в помощниках фотографа и жил на съемной квартире. Играл в независимость и постигал ненужную ему профессию, отвергая помощь отца и законное место в семейном бизнесе. Эвелина Вячеславовна боялась, что сын сорвется. Снова загуляет, начнет, как прежде, менять любовниц, становясь неразборчивым, и в конце концов подсядет на наркотики.

Леня искал себя, а она, его мать, снова мучилась. А потом появилась Настя. Лёне ее Бог послал. Ради Насти Эвелина Вячеславовна была готова на все. А уж ради внучек…

Годы шли, она молчала. Так бы и продолжалось, если бы не один разговор.

Недавно Настя пришла к свекрови сразу после ужина. Обычно они, встав из-за стола, расходились по своим комнатам или же Настя шла гулять, если погода была хорошая. Эвелина Вячеславовна спать ложилась рано, привычка еще тех долгих лет, когда она неустанно боролась со старостью. За увядающую красоту. Если рано ложиться и рано вставать, лицо будет свежим, а настроение бодрым. Так устроены биологические часы.

Когда Андрей уехал, Эвелина Вячеславовна эту бесполезную борьбу оставила в прошлом. И стала просто бабушкой. Ее женская жизнь закончилась.

Мужа она не любила, но дорожила им. Потому что Андрей любил ее беззаветно. И только ее, ни разу даже не изменил. Они прожили вместе сорок лет и так срослись, что расставание было немыслимо. Тем не менее это случилось.

Она понимала, что сын прав. И ее выбор очевиден. Но как смириться? Андрей звонил, и она брала трубку. Он умолял приехать. Она говорила:

– Не могу.

– Он тебя запугал?

– Нет, мы об этом не говорим.

– Эва, я могу умереть, так и не увидев тебя.

– Тогда живи как можно дольше.

– А что, если я приеду?

– Леня выполнит свою угрозу.

– Он так сказал?

– Нет. Я просто знаю своего сына.

– В кого он такой? Он ведь рос разгильдяем. Красивый мальчишка, плейбой, дорогая игрушка. Карманы набиты деньгами, в голове ветер гуляет. Что вдруг случилось?

– Он вырос.

– Ленька никогда не изменится, запомни. Он и через тебя перешагнет не задумываясь.

– Пусть.

– Эва, очнись. Сделай что-нибудь. Годы идут. Мне уже семьдесят пять. Я устал ждать. По-моему, я свою вину искупил. Я хочу умереть, глядя на тебя. Гладя твою руку. Хочу, чтобы нас похоронили рядом.

– Я тоже этого хочу, но… Границы теперь закрыты.

– Это отмазка. И деньги у тебя есть, я все оставил тебе. Просто возьми и купи билет. В Стамбул, куда угодно. В любую страну, которая открыта. Сделаешь пересадку, ну две.

– А дальше что, Андрей? Леня не позволит мне вернуться. Не даст видеться с внуками.

– Они уже совершеннолетние. Захотят – приедут к нам на Кипр.

– Алла вряд ли. Она боготворит отца. А Полина… Вряд ли она захочет ссориться с родителями.

– И вновь разговор пустой. Что ж, прощай. Или нет: до свидания. Я буду звонить.

– Я всегда беру телефон, когда ты звонишь.

– Но сама не звонишь никогда.

– Ты знаешь причину.

Это было недавно. А потом пришла Настя. Во внеурочное время. И погода была хорошая. Время вечерней прогулки. Эвелина Вячеславовна уже легла и читала книгу перед сном. Увидев Настю, она сразу поняла: случилось что-то важное.

– Садись, – кивнула она на кресло. – Или стоя будешь говорить? Разговор, как я понимаю, будет длинный.

– Я постараюсь коротко.

Настя все-таки села. Ей недавно исполнилось сорок, и она слегка располнела. Хотя высокий рост это скрадывал. Эвелина Вячеславовна с удовольствием смотрела на сноху. Красивая женщина, статная. Настя была идеальной женой, она никогда не жаловалась, не говорила гадости про Леню его матери.

– Я решила развестись с Леней.

Эвелина Вячеславовна подумала, что ослышалась. Сын со снохой никогда не ссорились. Не говорили друг другу резких слов, не устраивали сцен. Выходит, буря зрела у Насти в душе.

– Это из-за Бориса?

– При чем тут Борис? – с досадой сказала Настя.

– Только слепой не заметит, что он тебя любит. Ты решила побывать в Лёниной шкуре? Почувствовать, каково это, когда один любит, а другой позволяет себя любить. Ты устала быть второй скрипкой.

– Про скрипку хорошо, про Бориса нет. Я вовсе не к нему ухожу. В никуда. Дети выросли, я им больше не нужна.

– Ошибаешься.

– Алла уж точно захочет жить с отцом. А Полина выйдет замуж.

– Ты узнала, что у Лени любовница?

– Я знаю это с самого первого дня. Могу даже дату назвать, когда муж мне впервые изменил. И имена всех его женщин. Последнюю пассию зовут Ксюшей.

– Ты так спокойно об этом говоришь.

– Я свое отревела. У нас с Леней все нормально, пока мы не ложимся в постель. А там я начинаю его бояться. Простите, что я об этом говорю.

– Он что, извращенец? Мне неприятно такое слышать про сына, но должна же быть причина.

– Не беспокойтесь, ваш сын бесподобен. Никаких извращений за ним не водится. Он изо всех сил старается, чтобы я потеряла голову, а я… Мне страшно, понимаете? Он ведь со многими это делал. Я встречаюсь с его бывшими любовницами в кафе, на банкетах, езжу в гости к их мужьям. Эти женщины целуют моего мужа при встречах вроде бы по-дружески, но я же вижу. У них с Леней есть прошлое. Он хочет, чтобы я стала одной из них. Такой же развращенной и легкомысленной.

– Тебе надо родить ребенка.

– Нет! Вы же знаете.

– Что ты будешь делать?

– Работать. Искать себя.

– Настя, не говори глупостей. Тебе сорок. Сказка о том, что в сорок лет жизнь только начинается, необычайно популярна, но… Жизнь это не сказка. Разумеется, Лёня тебя обеспечит. Есть твои родители, их деньги и имущество. Но как ты жить-то будешь? Посещать кружок оригами? Блог в каком-нибудь Дзене заведешь? Книжки станешь писать?

– Что-нибудь придумаю.

– Ты твердо решила?

– Да.

– Лёне сказала?

– Нет.

– Мне первой?

– Я вас очень уважаю. Надеюсь, вы меня не возненавидите.

– Что ты. Я тебе благодарна, если бы не ты, мой сын никогда бы так и не женился. Ну а что с чувствами? Ты спокойно сможешь видеть рядом с бывшим мужем другую женщину?

– Думаю, да. Терплю же я его любовницу. Значит, привыкла.

– Тогда это и мне развязывает руки.

– Вы о чем?

– Все эти годы я тебя берегла. Но раз ты уходишь, пора все поменять. Всю нашу жизнь.

– Я снова не понимаю.

– Сначала я поговорю с Леней, потом ты все узнаешь. Я ему на днях позвоню и вызову сюда. Тогда все и решится.

– Тайны какие-то… Значит, Леня скоро сюда приедет?

– Думаю, такая новость его шокирует. Он не просто приедет – прилетит. Только мне надо все подготовить.

– Загадочная вы женщина, Эвелина Вячеславовна.

– А вот ты словно эфир. Никаких темных мыслей.

– Ошибаетесь. Я лишь делаю вид, что мне все равно. Просто я своих чувств стараюсь не показывать. Мой муж слишком уж проницателен. Пусть думает, что я – открытая книга.

– И где же закладка? Если ты, по-твоему, книга закрытая?

– Я не словами пришла играть, – Настя встала. – Предупредить хотела. У вас ведь сердце больное. Я постаралась аккуратно.

– Я рада, что мы поговорили. И ты была честна.

– Пойду погуляю перед сном. На пристань. Уютная там беседка, правда?

– Леня любит в ней сидеть. Вид на воду успокаивает.

– Это правда. Спокойной ночи.

Настя ушла, но заснуть Эвелина Вячеславовна так и не смогла. Сначала звонок Андрея, теперь это. Неужто время пришло?

Время разрубить узел, завязавшийся двадцать лет назад. Или пятьдесят? Завтра их жизнь круто изменится. Лёнина, Настина, девочек. Даже Катина.

И как тут уснешь?

Гера

Покровительница брака. Согласно мифам, отличается властностью, жестокостью и ревнивым нравом. Однажды она составила заговор с целью свержения Зевса и привлекла на свою сторону Посейдона. Уставшая от неверности мужа, Гера часто отправлялась в путешествия. В дороге она укутывала себя мраком, чтобы стать невидимой для окружающих и верховного бога. Однажды Гера решила не возвращаться домой. Разгневанный Зевс пустил сплетню о планах вновь жениться. Решив надавить на ревность супруги, он разыграл свадебный обряд со статуей. Гера смягчилась и решила вернуться.

Они познакомились на свадьбе, Борис и Настя. На моей свадьбе, где Боб, мой единственный друг, был свидетелем. Я до сих пор не понимаю, какая муха его укусила, что он влюбился в мою жену.

До этого Боб, любитель порно и пивасика, безвылазно сидел в своей берлоге. Весил килограммов сто двадцать, редко брился, еще реже мылся. И вдруг очнулся, нацепил воображаемые рыцарские доспехи и принялся беззаветно служить Прекрасной Даме. Моей жене. Боб даже сделал какую-то операцию, значительно уменьшив желудок. Стройным и спортивным он не стал, но выглядит теперь вполне достойно.

Настя, конечно, красивая женщина, но далеко не роковая. Она обычная. И такие жертвы ради нее… Борис мало того что похудел, он всерьез занялся бизнесом. Дергач – компьютерный гений. И тоже из богатеньких. Мы ходили в одну элитную школу. Папины капиталы и неординарные мозги вкупе дали обильные плоды. Сейчас у Бориса Львовича Дергача процветающая фирма, торгующая программным обеспечением. А айтишники сейчас на коне. Дергач в состоянии и сам разрабатывать софт, мозги у него варят. И команда хорошая, Борис не жадный, на зарплату в его фирме никто не жалуется.

Борис водит Настю по театрам и музеям, они часто ужинают вдвоем в дорогих ресторанах. Эта парочка уже порядком намозолила глаза московской публике, Дергач фигура колоритная. Я знаю, что они не любовники, Настя никогда бы себе этого не позволила. Да и у него любовь, скорее, платоническая. Зато беззаветная. Дергач постоянно торчит у меня дома. Когда нет какого-нибудь интересного спектакля вне его стен, Бориса вполне устраивает в качестве сцены моя гостиная и Настя в главной роли.

Сам я театр терпеть не могу. Когда-то я был влюблен в одну актрису и часами торчал там, пока девушка не разбила мне сердце. С тех самых пор запах кулис для меня невыносим. Я ненавижу актрис.

Полина прорывалась во ВГИК с боями. В театральный так и не смогла поступить ее бабушка. Которая очень хотела, чтобы ее мечту осуществила одна из внучек. Когда на меня насели три женщины, я сдался. К тому же у меня хватает мозгов понять: ни для чего другого Полина не годится. Исключительная красота, пожалуй, единственное достоинство моей старшей дочери. Камера ее обожает, как когда-то меня. Но в последнее время я стараюсь не попадать в объектив.

Кто-то дышит мне в спину. И мне стоило бы усилить охрану.

Я часто думаю, что будет, если я вдруг исчезну? Все мы смертны. Выйдет ли Настя замуж за Бориса? И как долго она будет носить по мне траур? Временами я ловлю на себе такой же взгляд друга детства. Боб тоже, похоже, прикидывает, что будет, если я внезапно умру? И мне не по себе.

У моей жены вошло в привычку общаться со мной через Бориса. Когда у нее случился выкидыш, она позвонили ему, а не мне. Именно Борис отвез Настю в больницу. Борис позвонил мне, чтобы сказать, что моя жена потеряла моего ребенка.

Похоже, что, когда Настя подаст на развод, мне позвонит Дергач и скажет:

– Петровский, жена просила передать, что уходит от тебя.

Я почему-то запомнил один майский вечер. Это было недавно. Я вернулся с работы и увидел жену при параде. С вечерней прической и в длинном лиловом платье с глубоким декольте. На шее сверкало дорогое ожерелье. Я уже успел забыть, что моя жена красива. И невольно залюбовался.

– В Большом премьера, Борис достал билеты, – ответила Настя на мой невысказанный вслух вопрос.

– Это очень дорого.

– Наверное.

– Ты принимаешь дорогие подарки от чужого мужчины.

– Борис – чужой?!

– Пока ты с ним не переспала – да.

– Ты циник, Леня, я всегда это знала. Тебе бы очень хотелось уличить меня в неверности, тогда мы были бы квиты. Но я не ты.

– А зря. Должна же ты узнать, что я лучший. Для этого тебе стоило бы попробовать и других.

Мне показалось, что Настя меня ударит. Безусловно, она знает о Ксю. Жена еле сдерживалась. В гневе Настя была еще красивее.

– А ты не думала, что я просто ревную? – спросил я.

– Ревнуешь?! Леня, ты очень красивый мужчина. Твоя самоуверенность безгранична. Такое чувство, как ревность, тебе вряд ли вообще знакомо. Стоит тебе захотеть, и я, забыв о премьере в Большом, проведу этот вечер с тобой.

– Я даже знаю, где мы это сделаем, – я взял Настю за руку. – Там стоит большая кровать.

– Нет, – жена резко вырвала руку.

– Что тебя так пугает?

В этот момент зазвонил Настин телефон. Я понял, что приехал Борис. В дом он заходить не хочет, с каждым днем нам все труднее смотреть друг другу в глаза.

– Я побежала. На дорогах пробки, мы боимся опоздать.

Мы.

Жена ушла, а я выждал полчаса, чтобы не стоять в одной пробке с ними, и поехал к любовнице.

Дергач любит мою жену вот уже двадцать лет. Срок солидный. Мог он дозреть до того, чтобы устранить меня физически? За двадцать лет – вполне.

Могла Настя дозреть до развода? Еще как! Но она ведь Гера. Однолюбка. Пока я жив, Настя будет любить меня. Она сама сказала: стоит тебе захотеть.

Стоит мне захотеть, и я ее пулей верну. Брошу Ксю, стану в постели застенчивым юношей. Проявлю не настойчивость, а нежность. Повезу жену в романтическое путешествие, благо Мальдивы открыты.

Я сяду в машину времени и вернусь на двадцать лет назад, когда мы с Настей были пылко влюблены друг в друга. И жена мне все простит.

И Борис это прекрасно знает. Он мне не соперник. Я-то, в отличие от Дергача, профессиональный обольститель.

Мне стоит об этом подумать. Есть богатый человек, которому я мешаю. Из-за меня его личная жизнь не складывается. Эти сорванные сделки, пристальное внимание. Кто-то ко мне присматривается. И хочет моей смерти.

Неужто Дергач?

* * *

«Как на работу», – уныло подумал Снегин, подходя к воротам усадьбы Петровских. Пришлось протопать больше километра пешком. Машину он не водил, в кредит брать не хотел, у родителей деньги тоже взять отказался. Мать посетовала, что это юношеский максимализм, отец пожал плечами: дело твое.

И вот теперь Евгений топал по жаре, обливаясь потом. На нем были брюки. Ну не являться же в особняк олигарха в шортах? Да и на работу надо заглянуть. Весь день он не может провести «на задании». Положено отчитаться. Получить новые инструкции. Наверняка появилась важная информация.

У самых ворот Снегин остановился. И подумал, что сюда вряд ли кто-то из гостей входит. Въезжают. На крутых тачках. Ворота были сделаны на заказ наверняка по индивидуальному эскизу и соответствовали стилю особняка Петровских. Прямые линии, никаких завитушек-вензелюшек, но сразу видно: дорого. Хотя на вид так просто. Металл и камень, все светлое. Забор был сложен из молочного кирпича, такого же цвета плиткой вымощен и въезд.

Снегин отбил Алле: «Я тут», и калитка вскоре открылась.

– Проходи, – Алла встретила его сама.

Он уныло посмотрел на особняк, фамильное гнездо Петровских, подумав, что раньше видел такие только на картинках. Широкая дорога, вымощенная серым

шершавым камнем, вела к массивному крыльцу с колоннами. Все линии дома были прямые, четкие, никаких округлостей. По обе стороны въездной аллеи, будто солдатики в почетном карауле, вытянулись во фрунт светильники в стиле модерн. За ними была низкая живая изгородь, аккуратно подстриженная, и росли какие-то густые и высокие злаки. Идеальный газон. Сам особняк был двухэтажный, под плоской крышей. Но сверху что-то похожее на мансарду. Над крыльцом балкон, и тоже с колоннами. Но опять-таки без финтифлюшек.

Большие окна. Ступени крыльца под мрамор. А может, он и есть. Взгляд Снегина уперся в фонтан перед домом. Хрень какая-то. Куча завитушек. Непонятно, что сие изображает.

– Нравится тебе мой дом? – спросила Алла его напряженную спину.

– Ничего.

– Это называется неоклассицизм.

– А это? – Снегин кивнул на фонтан.

– Это модерн.

– Кашу, что ли, выращиваете экологически чистую? – ткнул он пальцем в загадочные злаки.

– Это вместо клумб, – улыбнулась Алла. – Согласись, что розы сажать банально.

– А у вас тут банальностей не сыщешь. Сплошной эксклюзив.

– Проект заказывал отец. Он ненавидел вычурность.

– Это не вычурность? – Снегин обошел фонтан. – Уродец какой-то.

– Я уже поняла: тебе не угодишь. Даже стесняюсь предложить чашку чая.

– И правильно, в такую-то жару, – буркнул он. – Лучше лимонад.

В дом Алла вошла первой, за ней, робея, в дверь протиснулся Снегин. Все вещи здесь были дорогие, возможно, эксклюзивные. Кто его знает, может, мазня на стенах – это картины каких-то знаменитых художников. Снегин напрягся и вспомнил Дали. Больше на ум никто из звезданутых не пришел. Как бы не ляпнуть чего.

– Пойдем в гостиную, – сказала Алла. – Я познакомлю тебя с мамой и сестрой. Может, и тетя Катя спустится.

«Кто-то из них позвонил киллеру, – напрягся Снегин. – Звонок мог быть вполне невинным. Просто условный сигнал. Даже не самому киллеру, он вряд ли подставится. Но знак, что Петровский едет в Бережки, подали из этого дома. Пока единственная ниточка к киллеру, и надо работать».

Он чинно уселся на белоснежный диван. В принципе, с девушками Снегин и раньше встречался, но вот с их родителями не доводилось. Это означало серьезные отношения, а он был не готов. Сейчас ему предстояло сыграть жениха Аллы. А что, если сама Алла подыграть не захочет?

Она что-то отбила в ватсапе и встала:

– Сейчас попить принесу чего-нибудь холодненького. Ты вон взмок весь.

Слава богу, в доме работал кондиционер, и рубашка перестала прилипать к спине. Снегин расслабился было, но тут увидел ноги. Со второго этажа спускалась девушка. На ногах у нее были кеды и невинные белые носочки. Но сами ноги невинными не были. Они были такими красивыми, что Снегин невольно зажмурился. Нереальные какие-то ноги. Он уже понял, что это старшая сестра Аллы, актриса. Не тетя Катя же.

– У моей сестренки наконец-то появился парень. – Нереальные ноги остановились рядом. – Я не кусаюсь, можно смотреть.

Он решился и поднял глаза. Снегин знал, что Полина Петровская учится во ВГИКе и уже снимается в сериалах. С первого класса собирается замуж. Что вокруг нее вьются толпы поклонников. И все равно увиденное его ошеломило. Он понял, как выглядела Эвелина Вячеславовна, когда ей было двадцать. Старшая внучка была удивительно на нее похожа. Та же царственная красота.

Естественно, он онемел. Выручила Алла.

Она вернулась с лимонадом. Снегин чуть не взвыл от боли: ему наступили на ногу. Да что там! Алла с силой впечатала почти что мужской ботинок в его ступню!

– Рот закрой, – зло прошипела Алла в его макушку. – А лучше лимонаду выпей. Полина, я тебя предупреждаю: попробуешь соблазнить моего парня, пожалеешь.

– И что ты мне сделаешь? – насмешливо спросила старшая сестра.

– Взломаю твой блог и выложу в нем фотки, где ты некрасивая. Помнишь, ты выдавливала прыщ? Я это сфоткала. И еще твою уродливую висячую родинку. И на солнце есть пятна. Я такие моменты ловлю, учти. Чтобы тебя шантажировать, вот как сейчас.

– Прекрати! – взвизгнула Полина. – Где эти фотки?!

– В моем айфоне.

– Немедленно удали их!

– Еще чего!

– Дай сюда! – Полина кинулась к сестре, и Снегин опять чуть не заорал: на него пролился холодный лимонад.

Он вскочил. Мимо пронеслась Полина, пытаясь догнать сестру. Но Алла, часами гоняющая по футбольному полю мячик, была неуловима.

– Дети, перестаньте! – раздался властный голос.

На пороге гостиной стояла высокая темноволосая женщина в льняном домашнем костюме. Снегин понял, на кого похожа Алла: на мать.

– В доме траур, а вы носитесь как сумасшедшие, – сурово сказала Анастасия Сергеевна.

– Мама, Алка опять меня достает!

– Ма, Полина пытается отбить моего парня!

– Полина, у тебя и так много мальчиков, а у Аллы ни одного. Алла, твоя сестра уже не ребенок, хватит подкладывать ей в постель лягушек и дохлых мышей.

– Она сфоткала мой прыщ и хочет это выложить в Инсте!

– Какие же вы еще дети, – вздохнула Анастасия Сергеевна.

Сестры не ладили, это было понятно. Одна была невероятно красива, другая невероятно умна. И если Полина не понимала, что природа ее чем-то обделила, то Алла-то как раз была в курсе, что на нее ни один мужчина не посмотрит так, как на ее старшую сестру. Умом она понимала цену этих взглядов, но в душе все кипело. Онегин Алле нравился, раньше она не обращала внимания на мужчин, хотя вокруг их было полно. Они звали ее Ал, как своего в доску парня. Просили познакомить с сестрой.

Алла при случае делала это, жалея несчастных. Она знала претензии Полины. И уровень ее запросов. Но за Онегина Алла разозлилась. Нужен он был Полине, как прошлогодний снег. И все равно нацепила шорты, стерва! Сверкает перед Женькой своими голыми ногами, а тот и поплыл. Небось все ментовские штучки из головы вылетели. Бильярдист хренов. Выдержка у него и самообладание!

– Как зовут молодого человека?

– Евгений, – Петровская стояла, и он тоже не решился присесть.

– Женя, у вас рубашка мокрая.

– Это на меня лимонад пролили.

– Идите в ванную комнату. Алла, дай Жене свою футболку, а рубашку надо постирать. Скажи Марише.

– Если посмеешь дать мне футболку с цветочками, я здесь больше не появлюсь, – прошипел он, идя за Аллой по коридору.

– У меня таких нет. – Она вдруг опомнилась: – Подумаешь, напугал!

– А твоя сестра очень красивая, – мстительно сказал Снегин. Лимонад был липкий.

– Открытие века! Зато она дура. Полина уверена, что Солнце вращается вокруг Земли, а Муму утопил Ньютон. Она и не такое ляпает. Расслабься, Онегин. Жених Полины – папин партнер по бизнесу, ему сорок лет. Полину тянет на папиков. На мужчин в возрасте. Она никогда не повзрослеет.

«Партнер по бизнесу. Зацепка. Если Петровского убили из-за его строительства в Крыму и это убийство не на бытовой почве, то жених Полины подходит. Бабушка сказала ей, что отец едет в Бережки. Полина позвонила жениху. А уж он дал знак киллеру. Надо пробить гражданина по базе».

– Мойся, – Алла закрыла за ним дверь и уже из коридора сказала: – Рубашку дай.

Снегин разделся и с опаской посмотрел на блестящие краны. Кто его знает, что и как из них льется у этих олигархов?

Он помылся и подождал футболку. Тщетно. Тогда Женя натянул брюки и приоткрыл дверь.

– Эй, ты где там? – позвал он.

– А ты ничего, – Алла оказалась рядом.

– Могла бы подождать, когда мы купаться пойдем, и рассматривать меня на пляже, – буркнул он.

– А мне не терпится! На, – Алла сунула ему футболку. – С пляжем неплохая мысль, жарища на улице, если хочешь, я поищу папины плавки. Он был выше ростом, но не толстый. Не беспокойся, плавки новые.

– Я уже понял, что всякого шмотья здесь полно. – Он натянул футболку. На груди красовалась надпись: «Физтех».

«Эх, как бы так, – невольно вздохнул он. – Родился бы я умным, как Алла. Брал бы сейчас интегралы вместо того, чтобы мебель у олигархов разглядывать. А потом пешком на остановку топать по такой жаре».

– Я за плавками, а ты иди в гостиную. Смотри не заблудись, – насмешливо сказала Алла.

В гостиной уже не было Полины, зато появилась старая женщина в черном. Но, приглядевшись, Снегин понял: не такая уж и старая. Это тетя Катя, больше некому.

– Евгений, – представился он. – Молодой человек Аллы.

Женщина в черном тут же торопливо его перекрестила. Снегин невольно вздрогнул.

– А к вам как обращаться? – спросил он.

– Тетя Катя я. Горе-то какое.

Она, похоже, искренне скорбела. В ее присутствии и Анастасия Сергеевна погрузилась в глубокий траур.

– Соболезную, – выдавил из себя Снегин. Петровского он не знал, но заявил себя парнем его младшей дочери.

– Лицо мне твое знакомо, – задумчиво сказала тетя Катя.

Она не отказалась давать показания в день, когда все это случилось и в усадьбе работала опергруппа. Снегин с удивлением отметил, что у тети Кати хорошая

память и женщина вовсе не ушла в себя, как могло показаться со стороны.

Хорошо, что появилась Алла с плавками.

– Ма, – сказала она, – мы с Женей пойдем купаться. Я позаимствовала папины плавки.

Тетя Катя разрыдалась, сразу забыв, где недавно видела Женю.

– Ну, успокойся, – погладила ее по руке Анастасия Сергеевна.

Снегин почувствовал себя неловко. Здесь недавно человека убили. Главу семьи. А он – засланный казачок. Внедренный. Которому надо узнать, кто предатель. Даже не знаешь, на кого и думать.

– Идем, – позвала его Алла.

В дверях Снегин чуть не столкнулся с массивным мужчиной высокого роста. Несмотря на жару, он был одет в строгий черный костюм. У мужчины была тяжелая нижняя челюсть, ультракороткая стрижка и очки в стильной роговой оправе.

Он и не думал посторониться. Снегин же сразу почувствовал его вес. Каменная глыба, попробуй такую сдвинь!

– Это что за явление? – мужчина удивленно посмотрел на Снегина и перевел взгляд на Аллу.

– Борис Львович, это мой парень, Женя, – сказала она.

– Физтех?

– Нет, он уже работает.

«Сейчас спросит где», – хмуро подумал Снегин, прикидывая, как соврать и не выглядеть болваном. Но на шею Борису Львовичу бросилась Аллина мама:

– Слава богу, ты приехал!

– Не так-то просто его похоронить. Криминал, – и Борис Львович погладил прильнувшую к нему женщину по спине, успокаивая.

– Удалось что-нибудь сделать?

– Всех, кого можно было, задействовал. Как Эвелина Вячеславовна?

– Сегодня выписывают.

– Допрашивали?

– Здесь?

– Адвокату звонила?

– Да, это он сказал, что я имею право никого из посторонних в усадьбу не впускать. И как жена вообще молчать.

Снегин насторожился. Эти двое похожи на заговорщиков.

– Ну, ты идешь купаться? – потянула его за руку Алла.

Снегин бы с удовольствием остался и послушал, о чем Борис Львович будет дальше говорить с Аллиной мамой. Но сама Алла явно была заинтересована в том, чтобы вытащить мнимого МЧ из дома.

– Куда мы идем? – спросил на улице Снегин.

– На пристань. Туда, где убили папу.

– Ты мне хочешь что-то показать?

– А тебе не кажется странным, что охрана ничего подозрительного не заметила?

– Мне все здесь кажется странным. – Снегин с опаской обошел фонтан.

– Ничего, привыкнешь.

«А что, если расследование и в самом деле затянется? – уныло подумал он. – Сам ведь вызвался. Придется сюда приезжать каждый день, а эта ненормальная тетка в черном так и будет при виде меня креститься».

Они спустились к реке.

– Боишься? – спросила Алла.

Снегину и в самом деле было не по себе располагаться в беседке, где погиб Леонид Андреевич Петровский. Аллин отец, ничего не подозревая, любовался пейзажем, а в него в это время целились с противоположного берега из кустов.

– У тебя ведь нет богатых врагов, – усмехнулась Алла. – Киллеру заплатили сумасшедшие деньги. Это было не так-то просто: подобраться к моему отцу.

– Я тоже думаю, что операция разрабатывалась не один месяц. И не один человек был в этом задействован.

Снегин наконец решился и ступил на пристань. Яхты у Петровского не было, все же река была мелковата, а вот прогулочный катер имелся. Пляж был оборудован тут же. Под навесом стояли шезлонги, в воду спускалась лестница с никелированными поручнями.

– Переоденься, я не смотрю, – сказала Алла, протянув ему плавки.

– А вот я бы для начала хотел оглядеться. Ты ведь мне хочешь что-то сказать?

– Почему отец ничего не заметил? Ни он, ни охрана. Наблюдение ведется круглосуточно, повсюду видеокамеры.

– А тот берег снимают? – Снегин кивнул на густые ивы.

– Нет. Никто же не думал, что это будет так.

– Тогда грош цена вашей охране.

– Вася, подойди! – крикнула Алла.

Снегин заметил, что они не одни. Секьюрити умело маскировался, но он здесь был.

– Иди сюда, не бойся, – Алла кивнула на скамейку в беседке. – Присядь.

– Не верите, значит, – сказал Вася, окинув Снегина цепким взглядом. Он понял, что Вася его срисовал. Отпираться бессмысленно.

– Я здесь по личной инициативе, – Снегин порозовел. Хорошо, что жарило солнце и его пылающие щеки можно было списать на загар.

– В Шерлока Холмса, значит, играете. Детективов насмотрелись. Дети вы еще.

– Мне вообще-то тридцать. Старший лейтенант Евгений Юрьевич Снегин, – разозлился он.

– Сроду бы не подумал. И что тридцать, и что старший. Чего надо-то?

– Ты ничего подозрительного в тот вечер не заметил? Когда папу убили? – спросила Алла, пока Снегин дулся.

– Меня уже сто раз спрашивали. Заметил бы что – сказал.

Снегин вздохнул и, прищурившись, стал рассматривать ивы. У него была небольшая близорукость, как и у большинства молодых людей его поколения. Которые постоянно торчали в гаджетах. Зато Алла оказалась зоркой.

– Опять эта белая в яблоках. Красавица!

Снегин перевел взгляд влево, где кусты заканчивались. И тоже увидел лошадь. Верхом сидела женщина, в седле она держалась уверенно. Следом ехала еще одна, на вороной.

– Что там, на противоположном берегу? – спросил он.

– Конеферма. В этом месте мелко, они часто к воде спускаются, особенно в жару.

Всадницы и в самом деле спустились к реке. Снегин невольно залюбовался. Не только на воду можно смотреть бесконечно. Еще и на лошадей, особенно купающихся.

– А вы тоже лошадками увлекаетесь? – повернулся он к Алле. – Петровские? Небось Полина то и дело прыгает в катер, и… Или ее отвозят?

Алла вдруг замкнулась. Снегин понял, что затронул больную тему.

– Из всех, кто здесь бывает, только Юля заезжает теперь на конеферму, – нехотя сказала Алла после паузы. – Она обожает лошадей. Постоянно тренируется. Юля не смогла расстаться со своим хобби.

– Юля – это кто?

– Папин финдиректор и партнер по бизнесу. Его друг, ну и наш тоже.

– Если я правильно понял, что-то случилось? Ты сказала: теперь.

– Давай не будем об этом.

– Вот и в тот день лошади проезжали, – вздохнул Вася. – Я на них и отвлекся. Красивые, заразы.

– И как прицел в кустах блеснул, ты не видел, – в упор посмотрел на него Снегин.

– Да не блестело там ничего! Он, гад, хорошо замаскировался.

Снегин встал, потом опять сел. Посмотрел на противоположный берег. Что-то Евгения насторожило. Он прикрыл глаза: по зеленому сукну прокатился черный бильярдный шар и замер у лузы.

Что Петровский делал в беседке? На лошадок смотрел?

– В этом году их стало больше, – сказала вдруг Алла. – В санатории беженцев разместили.

– Что ты сказала?! – резко повернулся к ней Снегин.

– Беженцы, а что? – удивилась Алла. – Неподалеку от конефермы находится санаторий. Сейчас повсюду селят тех, кто уехал из-под обстрела. Донецк, Мариуполь, Херсон… А на конеферме работники нужны. Теперь с этим нет проблем, вот они и расширяются. Лошади – это модно. Экотуризм, – усмехнулась она.

«Значит, худшая из версий может подтвердиться, – напрягся Снегин. – Убийца затесался среди беженцев, многие из них со справками и даже с потерянными документами. Киллер ловко это обыграл и устроился работать на конеферму. Выгуливал лошадок, наблюдая за усадьбой на противоположном берегу. Искал подходы к Петровскому и в итоге срисовал его на пристани. Оставалось дождаться подходящего момента. Судя по тому, что все получилось, операция была разработана детально. Ни в каком болоте снайпер оружие не топил и десять километров по лесу не топал. Все было по-другому».

Евгений разволновался.

– Еще вопросы будут? – лениво спросил разомлевший от жары Вася, который был в черном костюме.

– Если только один: со слухом у тебя порядок?

– Ну что вы все ко мне привязались?! Я уже и сам не помню, что именно услышал!

– Может, не пупс, а упс? – предположил Снегин.

– Папа не мог так сказать, – заупрямилась Алла. – Тем более перед смертью.

– Но он улыбался. Вдруг это был просто бред умирающего?

На противоположном берегу раздался смех. Женщины разделись и теперь купались вместе с лошадьми, белой и вороной. Снегин почувствовал, что щеки и шея горят, теперь уже точно от солнца. Пристань раскалилась, а от воды шла живительная прохлада.

– Давай уже и в самом деле искупаемся, – и Алла стала стягивать футболку. – Жарко.

– Я могу идти? – по-военному спросил Вася.

Обилие женщин в купальниках – двое на том берегу, одна на этом – его смутило. Тем более хозяйская дочка. На этих вообще смотреть противопоказано. Полину Петровскую несчастный Вася боялся как огня. Хорошо, что она никогда не купалась в реке, брезговала.

– Что с тебя взять? Иди, – вздохнул Снегин.

Петровский явно пренебрег охраной. Вариант со снайпером никогда, видать, не рассматривался. Усадьба охранялась тщательно, к ней было не подступиться. Единственное – с воды.

Сколько же бизнесмена пасли? Надо ведь было еще найти контакт с одним из членов его семьи. Завербовать или использовать втемную.

Он задумался и не заметил, как Алла разделась. Когда Снегин обернулся, она солдатиком прыгнула в воду.

Стягивая брюки, он подумал: «А вдруг коряги? Или банки консервные на дне? Хотя вряд ли. Как-никак олигархи».

И тоже прыгнул. Вынырнувшая из воды Алла посмотрела на него одобрительно:

– Думала, сдрейфишь.

– Что я, лягушек не видел?

Потом они лежали в соседних шезлонгах, и Снегин старался не смотреть на то, что обтягивал мокрый купальник. Грудь у Аллы и в самом деле оказалась не пацанская. Младшая дочь Петровских была похожа на мать, а у Анастасии Сергеевны, как невольно заметил Снегин, были хорошие формы.

– Что будем делать дальше? – спросила Алла. – Расследование зашло в тупик, да?

– Нет. Всех, кто с вами контактировал, будут проверять.

– Мы под колпаком?

– Снайпер – это не хулиган с рогаткой. Его обязательно надо найти.

– Я могу помочь?

– У тебя есть доступ к телефону сестры?

– Нет, конечно.

– Мне надо узнать, звонила ли она жениху в тот день, когда убили отца.

– Звонила?! Он ее давно отучил. Полина в мессенджер пишет. Она к тому же помешана на эмодзи. Ей это в кайф.

– А чем ему так мешали звонки любимой девушки?

– Он деловой человек, у него бизнес. Полина же может позвонить по всякой ерунде. Сломанный ноготь, пережаренный стейк. У кого угодно мозг взорвется.

– Мне нужна ее переписка в ватсап. Я понимаю, что это нереально…

– Почему? – повернулась к нему Алла.

– С какой стати она тебе ее покажет?

– Сама возьму. Мы ж хакеры. Думаешь, так сложно получить доступ к ватсапу?

– Похоже, ее почту ты давно уже взломала.

– Пожалей мою бедную голову – читать весь этот бред, – поморщилась Алла. – Твой телефон звонит.

Снегин и забыл, что он на работе. Эта адская жара расплавила мозги. Он торопливо полез в задний карман брюк и чуть не выронил телефон в воду. Так и есть: по работе.

– Слушаю. Снегин.

– А я думал, сам Пушкин А. С.

– Моя фамилия не повод для шуток, товарищ майор, – надулся он.

– А ты нормально говори. «Але» там. Или «да».

– За «да» могут все деньги со счета списать.

– И то верно. Как дела? – спросил его начальник.

– Работаю, – он услышал, как фыркнула Алла.

– Дуй сюда. Начальство тебя ждет.

– Есть, – он схватил одежду и спрятался за беседку.

Алла со вздохом поднялась и тоже стала одеваться.

Оказалось, что рубашка не высохла после стирки, и футболка с надписью: «Физтех» осталась Снегину на память о визите. Густые волосы не хотели сохнуть, а в такси, которое Снегин вызвал прямо к воротам по настоянию Аллы,

работал кондей.

День явно не задался. Снегин посчитал, что ничего полезного он не узнал. А вот простуду может запросто схватить.

– Выключите, пожалуйста, кондиционер, – вежливо попросил он.

В ответ водитель прибавил громкость магнитолы. Снегин уныло посмотрел в окно на дорожных рабочих, голых по пояс. Черные от загара, они лопатили раскаленный черный асфальт. Только идиот мог в такой огненный день замерзнуть. Но ведь случилось.

Снегин стоял навытяжку, а начальство хмуро рассматривало его мятые брюки и подозрительную футболку.

– Офицер полиции даже вне стен учреждения, к которому он приписан, должен выглядеть как офицер, – сказал наконец полковник.

– На меня лимонад пролили, – начал оправдываться Снегин.

– А волосы почему влажные?

– Купался. Я по заданию. Жизнью, между прочим, рисковал. Она прыгнула, и я прыгнул. А если бы коряги и бутылки разбитые? Или мелко?

– По заданию… Курорт себе устроил, – буркнул полковник. И машинально ослабил ворот рубашки. В кабинете была духота.

– А я никогда раньше не внедрялся. Вы бы мне объяснили, что и как. Они же не знают, что я в полиции служу. Кроме Аллы. Ну, еще охранник меня запомнил. А если я буду на пляже одетым сидеть, тогда расколют тут же. Этот Борис Львович мужик умный, сразу видно.

– Дергач? Его подозревают в любовной связи с женой Петровского. То есть теперь уже вдовой.

– Я видел: они обнимались. И еще он про адвоката сказал. Мол, не впускай никого в усадьбу. Не говори со следователем без адвоката.

– Укажи это в рапорте. Ты, главное, не вздумай ее лапать, эту Аллу. Сегодня она перед тобой в купальнике разгуливает, а завтра жалобу накатает. И влепят тебе, Снегин… Нет, не выговор. Статью. Соображаешь, что с тобой дальше будет?

Он представил, как расстегивает Аллин купальник, и побагровел. Даже подумать об этом жутко. Она ведь такая… упакованная. Будто роза с шипами на витрине с бронированным стеклом. Ничто ее не прошибет.

– Может, мне не надо больше туда ездить? – спросил он. – Напротив усадьбы Петровских конеферма. А в санатории беженцев разместили. Надо у всех документы проверить, вот и все. Найдутся нестыковки – вызвать к следователю и допросить.

– Экий ты скорый. Проверяют уже. Не нашего ума это дело. С апреля по июль почти полмиллиона беженцев к нам из Донбасса прибыло, соображаешь? Закопаться можно. Я спрашивал насчет тебя. Сказали: пусть пока работает в особняке у бизнесмена. Ты теперь в составе спецгруппы, которая выполняет особое задание. Смотри, слушай, запоминай.

– Есть.

– Иди и пиши рапорт. Как день прошел, кто приезжал к Петровским, что говорил. Подозреваемый номер один – Дергач. А ты с ним успел познакомиться. Удалось установить, что Анастасия Петровская ему звонила, пока муж ехал в Бережки. На то, чтобы получить распечатку звонков Дергача, нужны основания. Это персональные данные, а он человек непростой. Сейчас айтишников никто не посмеет тронуть. У Дергача родители в Израиле, соображаешь? И часть сотрудников. Которые на удаленке – все там. Еще и с гражданством. Дергач себе на уме, его активы нематериальные. Интеллектуальная собственность. Если его и брать, то лишь имея на руках неопровержимые доказательства. Тут любая мелочь важна.

– А если он пойдет на сотрудничество?

– На сделку со следствием? Молодец, соображаешь. Подходы нужны. Пока Дергача не прижали к стене стопроцентными фактами, он будет всех посылать. Киллер-то исчез. Растворился. Так что завтра ты опять поедешь к Петровским.

– Есть.

Он сделал было «кругом», но вдруг услышал:

– Снегин, ты, говорят, в бильярд играешь?

«Только не это!» – Он замер вполоборота.

– Играешь или нет?

– Ну.

– А я, признаться, любитель. Лет двадцать уже шары катаю. Соперников нет достойных. Приказано заботиться о досуге подчиненных. Так я распорядился в комнате отдыха бильярдный стол поставить. Буду хоть тебя гонять.

– Как прикажете, товарищ полковник.

– Авось и научишься чему-нибудь. Внедряться будешь с умом, – ехидно сказало начальство. – Все, иди. Письменным творчеством занимайся.

«Мало мне было проблем, – вздохнул Снегин, открывая дверь в свой рабочий кабинет. – Как он узнал-то про бильярд? Я вроде никому не говорил. Чего делать-то теперь?»

* * *

Борис наконец-то уехал. За окном сгустились сумерки, небо летом не чернело, а лишь серело в такую-то жару и казалось присыпанным пеплом. Солнце сжигало облака, еще когда они были еле видимыми, всего лишь дымкой на горизонте. Багровые угли заката не остывали аж до рассвета, и первые же солнечные лучи зажигали на небе костер.

А ведь он ждал. Борис Дергач, Настин то ли друг, то ли больше. Последние годы он был ей гораздо ближе, чем Леня, особенно после того рокового дня. Настя и сама не понимала, почему позвонила Дергачу, а не мужу.

Хотя… «Сама-то себе не ври. Все ты понимаешь».

Она постеснялась предложить ему сегодня остаться на ночь. Как там у Шекспира? «И башмаков не износив, в которых шла за гробом».

Она посмотрела в зеркало, тронула седую прядь у виска, появившуюся после смерти Лени, и усмехнулась: тоже мне, королева Гертруда! У той Гамлет, а у Насти – Алла. Девочка непростая, Настя долго билась над тем, чтобы понять ее секрет.

Две дочери, почти погодки и такие разные. Полина ласковая, как котенок. По утрам прибегала к маме в постель, даже когда уже выросла. Они шушукались, обсуждали маленькие женские секреты, моду, мальчиков Полины. Которая даже не задумалась о том, что с некоторых пор у родителей отдельные спальни.

Они с Полиной как и не мать с дочерью, а подружки. Полное доверие, как всегда казалось Насте. Иное дело Алла. Настя и ее звала на эти девичьи «утренники», один раз даже настойчиво.

– У меня с утра пробежка, – сказала Алла, демонстративно надевая кроссовки.

На улице лил дождь.

– Какая у вас замечательная дочь, – с восторгом говорили Насте. – Умница! Вундеркинд! И как вы ее заставляете учиться?! Дети сейчас такие ленивые. Особенно когда у них все есть.

«Никак», – хотелось сказать ей. Она была бы не прочь, чтобы Алла училась поменьше. Младшая дочь напоминала Насте пулю. Безжалостную, литую, ищущую цель. Вот Алла сразу заметила, что папа переехал в другое крыло дома, хотя и была моложе Полины. И мальчика у Аллы не было еще ни одного. Но она, без сомнения, знала, зачем родители спят вместе и чем в таком случае занимаются по ночам. В спальню к матери Алла по утрам не ходила, но однажды

Настя застала младшую дочь под дверью отцовской.

Нет, Алла не вошла. Она просто стояла поникшая. Настя поняла, что Алла хочет поговорить с отцом. Рассказать ему о каких-то своих проблемах. Но не решается войти. Понимает, что он хоть и отец, но мужчина, и он там, в спальне, один. Настя как раз шла к нему поговорить.

Смутилась она, не Алла. Та привычно вскинула голову и стиснула зубы. Молча прошла мимо.

Настя наконец-то догадалась, что дочь ее презирает. За то, что бездельница. Полину ненавидит, а к матери хоть и относится более сдержанно, но все равно невысокого мнения об ее уме и образе жизни. Настя также подозревала, что Алла ненавидит и Дергача. Хотя он-то был необычайно умен, деятелен и искал с Аллой контакта, помогая решать задачи по физике и математике, вызывающие затруднения.

Алла его помощь принимала, но она была девочка рациональная. И, как подозревала Настя, циничная, в отца. В ней было много от Лени, за исключением внешности, недаром он с улыбкой называл ее папиной дочкой.

Нельзя, чтобы Алла именно сейчас что-то заподозрила. Вдруг появился в доме этот мальчик, Женя. Они так смотрят друг на друга. Сразу видно симпатию. В кои-то веки! Но есть и еще что-то, чего Настя не смогла понять. Надо спросить у Бориса.

…Все началось три года назад на этой треклятой конеферме. А ведь как Настя радовалась, что Леня именно там решил строить дом, в Бережках! Ну чем в глуши-то заниматься?

Насчет глуши она, конечно, преувеличивала. Элитный поселок, и все в окрестностях есть. Фитнес-клубы, дорогие рестораны, магазины, где можно купить все, что душе угодно. Да и Москва недалеко.

Но конеферма придавала этому месту шика. Можно было обзавестись породистой лошадью и содержать ее там, в деннике. Леня так и предлагал. Полина, с детства отличающаяся особенной, запоминающейся красотой, была в восторге от того, что научится ездить верхом. Девушка, скачущая на лошади, –

это же так красиво! А фотки какие?! Да Инста взорвется лайками!

Сама Настя тоже увлеклась верховой ездой. И, к ее удивлению, Юля.

– Надо же как-то снимать стресс, – сказала Каткова. – Лошади хороший способ. Они забирают негатив. Да и для здоровья катание верхом полезно.

Юля Каткова была в их доме таким же частым гостем, как и Дергач, но Настя никогда не ревновала ее к мужу. Хотя Юля была не замужем. И работала вместе с Леней. Поначалу, когда Настя родила Полину и почти сразу же забеременела вновь, Леня со своей секретаршей засиживался в офисе допоздна.

Но у Насти было звериное чутье на любовниц мужа. Семь относительно счастливых для Насти лет они были случайные и надолго не задерживались. С этими эпизодами Настя быстро смирилась, она как-никак была без пяти минут психологом. Есть люди с повышенным либидо, особенно мужчины. Ничего ты с этим не поделаешь, если у тебя самой либидо пониженное. Это все генетика, Леня не виноват, что таким родился. Гены плюс харизма, или, как еще говорят, животный магнетизм.

Леня гиперсексуален, для него это один из способов разрядки. Но он ценит свою семью. Любит жену и детей. Ему просто недостает новизны в сексуальных отношениях. Что совершенно нормально для человека его склада.

Но три года назад это перестало быть нормальным. О! Настя прекрасно запомнила этот майский день! Который поначалу показался ей таким счастливым.

Было тепло, но не жарко, деревья окутаны зеленой дымкой, вода в реке еще холодная, снег, а заодно и лед сошел поздно, но зато так чувствовалась весна. Пробуждение природы. Даже Леня решил прогуляться, хотя сам он не увлекался лошадьми. Говорил, что предпочитает виды спорта, где можно красиво проигрывать. На что Настя, шутя, предложила мужу посоревноваться в верховой езде.

– А у тебя большие успехи? – спросил он.

Успехи у нее были так себе. Она освоила три вида рыси и сносно держалась в седле. Насте полюбилась кобыла по кличке Сметанка. Красивая, но смирная. Вот Юля, та облюбовала горячего арабского скакуна. Но Каткова по натуре была амазонкой. Хуже всех проявила себя Полина: лошади ее не слушались. И она не любила работать и терпеть. Чтобы выработать красивую посадку в седле, нужно часами выполнять физические упражнения, развивающие подвижность тазобедренного и коленного суставов. Это тяжело, нудно, да к тому же болезненно. Полине же хотелось получить все и сразу: сесть верхом и мчаться во весь опор, срывая восхищенные взгляды. После того как Полина упала со смирной Сметанки, стало понятно, что лошади уважают волевых женщин, а капризный ребенок в седле вызывает у них протест.

Полина быстро остыла к школе верховой езды. Сказала, что у всадниц кривые ноги. Алла, у которой, несомненно, были бы успехи, эту школу вообще проигнорировала. Оно и понятно: график у Аллы был плотный, учеба, бесконечные олимпиады, тренировки по женскому футболу.

Но это утро было особенным, на катере собрались все, даже Алла. Вел катер Леня, который пошутил, что везет на прогулку свой гарем. Первой рассмеялась Юля. Настя улыбнулась, Полина хихикнула, а Алла, как всегда, промолчала.

Настя невольно любовалась мужем. Он был в белом свитере и синих джинсах, в волосах, как и у матери, совсем не заметно седины. Фигура подтянутая, взгляд уверенный. Ему сорок семь, но выглядит моложе. Похоже, все у него сейчас получается, хотя они никогда не говорят о делах.

Они причалили, и женщины высыпали на пристань. Все, кроме светловолосой Полины, – яркие брюнетки. Короткая мужская стрижка у Аллы, Настя с косой-колоском и Юля с локонами до плеч. Которые она, выйдя на берег, прихватила заколкой.

Прогулка до конефермы была приятной. Пока Настя не увидела ее. Девушку верхом на резвой вороной кобыле. Самой норовистой во всей конюшне. И подумала: «Как некстати».

Хотя они были в дружеских отношениях. Эта девушка была здесь постоянной клиенткой, так же как и Настя со своими домочадцами. Сразу показала класс. Видно было, что где-то тренировалась и даже, возможно, профессиональная

спортсменка.

Девушка была видной, хотя Настя сразу же отметила некую искусственность ее броской красоты. Очень уж пухлые губы, какие-то особенно длинные ресницы и ненатурально пышные волосы. Все – чересчур. Напоказ. Но в седле голубоглазая брюнетка держалась великолепно.

Полина невольно заревновала и надулась. Она привыкла, что все смотрят на нее. И вот появилась соперница.

– Профессионалка, – уверенно сказала Юля.

– Что ты имеешь в виду? Профессионально занимается конным спортом? – спросила Настя.

А Юля вдруг смутилась.

Вскоре они с девушкой стали здороваться, хотя и не сближались. Та приезжала поддерживать форму, а когда конюшня пополнилась, облюбовала норовистую вороную лошадь и вступила с ней в единоборство. Судя по тому, что длинноволосая брюнетка каждый раз побеждала, характер у нее был. Настя невольно чувствовала к ней неприязнь, хотя каждый раз себя одергивала. С чего бы?

Они остановились, пропуская девушку, которая подъезжала к распахнутым воротам. Та же, увидев большую компанию, перешла на строевую рысь. Лошадь помчалась быстрее. Настя обернулась и увидела, как взгляд мужа скользнул по крутым ягодицам. Да, хороша. И как уверенно сидит в седле!

Эта строевая рысь, пожалуй, самый сложный аллюр. И самый эротичный. Упругая попка девушки подпрыгивает над седлом при каждом шаге лошади, все тело устремляется вперед, подстраиваясь под ее движения. Опускается обратно в седло и тут же поднимается вновь. Ноги длинные, обтянутые бесшовными лосинами, высокие сапоги.

Настя невольно восхитилась: какая балансировка! Наездница отлично владеет своим красивым стройным телом, все ее движения удивительно точные и в то же

время плавные, без рывков. Значит, колени не зажаты, а это годы бесконечных тренировок.

Словно почувствовав на спине восхищенный мужской взгляд, въехав во двор, девушка пришпорила лошадь и лихо взяла барьер. Он был невысокий, но получилось эффектно.

– Браво! – громко сказал Леня.

– Я тоже так хочу, – надулась Полина. – Но у меня почему-то не получается. Мне все время подсовывают не тех коней.

– А может, все дело в тренере? – пожал плечами Леня.

И направился к брюнетке, явно намереваясь помочь ей слезть с лошади. Девица уж точно не нуждалась в помощи, но медлила. Настя почувствовала, как щеки и шею опалило жаром. Это был открытый, наглый флирт. Мужа к этой выскочке как магнитом тянуло, а она смотрела только на него, не замечая, что мужчина вообще-то не один.

– Как прогулка? – Леня протянул руку.

Брюнетка грациозно спрыгнула на землю. Настя заметила, что девица чуть дольше положенного оставалась в объятиях мужа и что его рука задержалась на ее спине.

– Красивая, – Леня кивнул на кобылу. Настя опять заметила двусмысленность.

– Ее кличка Вьюга. Среди своих Вика, Викуся.

– И быстрая, значит.

– Самая быстрая.

– Вас как зовут?

– Ксюша.

– Леонид Петровский.

– Так это ваш дом там, за рекой? Он такой красивый!

– Не знал, что на конеферме обсуждают мой дом.

– Здесь всех обсуждают. Всех клиентов. Это же деревня. Что им еще делать?

– Вы прекрасно держитесь в седле, Ксюша. Быть может, порекомендуете моей старшей дочери тренера?

– С радостью. Ольга Ивановна сейчас как раз здесь.

– Тогда познакомьте нас.

Они уходили вдвоем, вроде бы друг друга не касаясь. Но Настя чувствовала, как щеки остыли, и внутри теперь разливается холод. Неужели ей всего лишь показалось? Но тут она заметила, что у Юли странное выражение лица. К губам словно приклеилась усмешка. Мол, девочка не промах.

– Ура! Теперь я буду прыгать через барьер не хуже, чем эта задавака Ксюша! – захлопала в ладоши Полина.

– Дура, – презрительно бросила Алла и, развернувшись, зашагала на пристань.

– Алла! Подожди отца! – крикнула Настя. – Куда ты собралась?!

Леня вернулся быстро. Настя отметила, что он словно помолодел на несколько лет. Лицо у него было довольное, взгляд смягчился, на губах играла улыбка.

«Наверняка целовались, – со злостью подумала она. – Большее не успели бы, да и мы с дочерьми здесь. Но руку под Ксюшину курточку Ленька запустил. Там же все искусственное! Они похожи на двух породистых лошадей во время случки, он и эта Ксюша. Их толкает друг к другу инстинкт. Боже, почему я-то ничего не

чувствую?! Я его безумно хочу, но стоит ему до меня дотронуться – сжимаюсь в комок. А эта сучка уже и ноги готова была раздвинуть прямо там, в деннике. Зачем мы только сюда поехали?!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/natalya-andreeva/sem-razgnevannyh-bogin

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити